

НОВЫЙ

Цѣна отд. № — 15 коп.

САТИРИКОН

№ 7

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1913

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

18 ЮЛЯ.

На годъ — 6 руб. 50 коп.; на полгода — 3 руб. 25 коп.; на три мѣсяца — 1 руб. 75 коп.; на 1 мѣсяць — 60 коп.

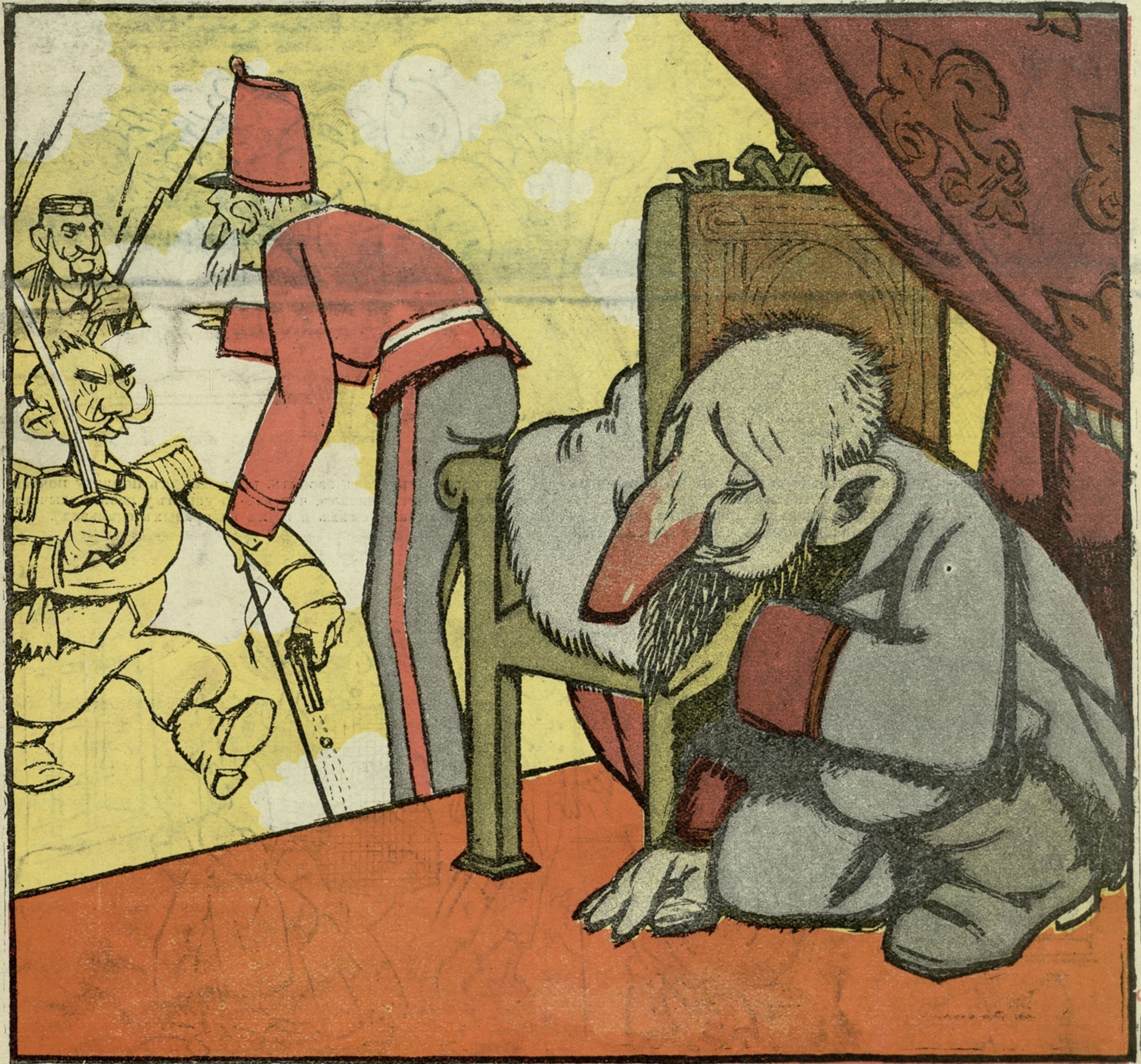
Цѣна объявленій за строку нонпарели 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: СПБ., Невскій пр., 98. Телефонъ № 59-07.

Журналъ выходитъ подъ редакціей Аркадія Аверченко, при ближайшемъ участіи А. Радакова, Ре-Ми, А. Яковлева и А. Юнгера, а также всего состава прежнихъ сотрудниковъ.

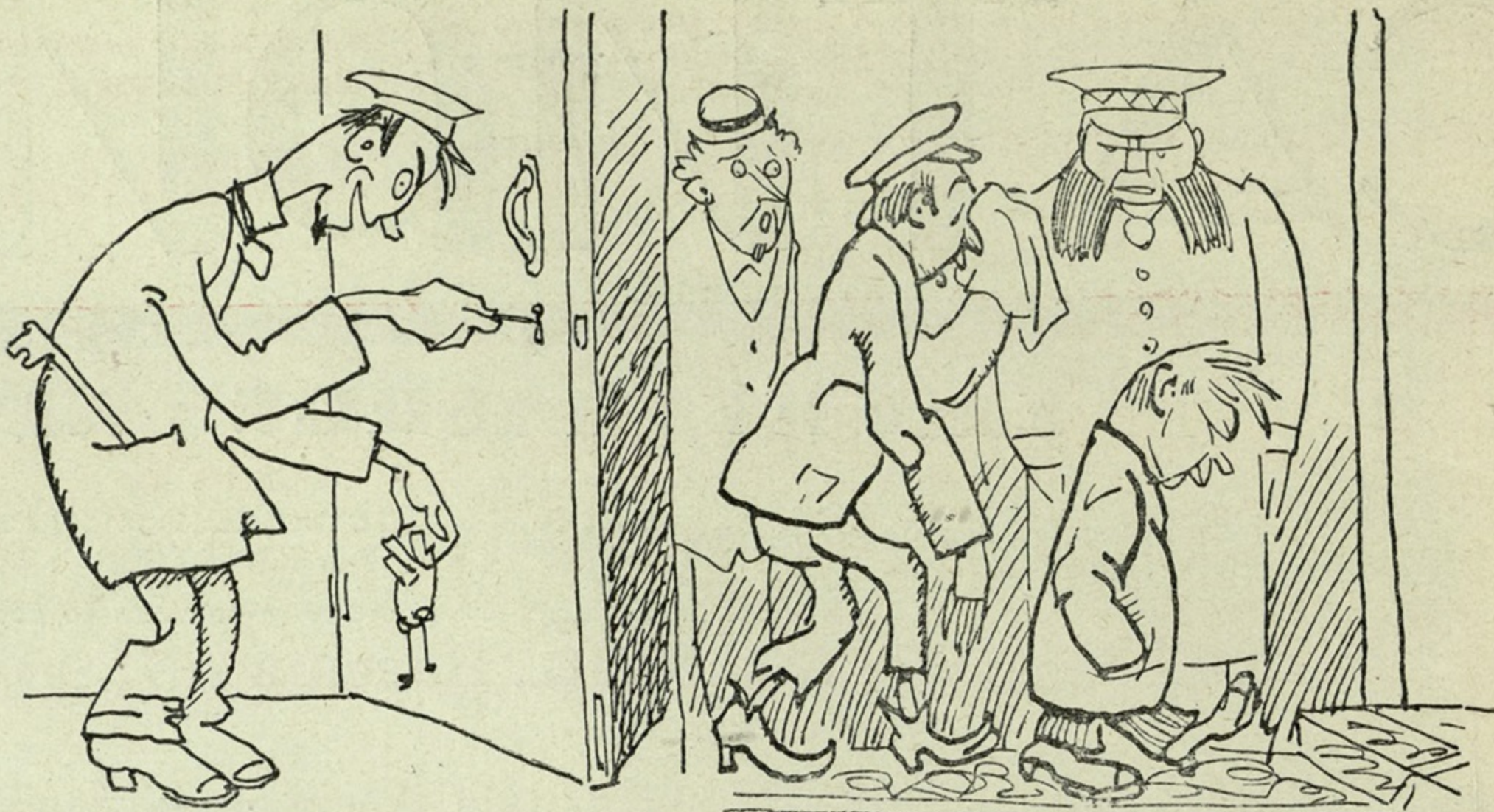
ШЕСТИЛѢТНЕЕ ДИТЯ.

Рис. Ре-Ми.

Францъ-Иосифъ: — Вы ужь его, братцы, простите... Неопытный онъ. Шестой годъ всего, какъ въ балканскихъ короляхъ ходить.

ЦЕННЫЙ ФОНД

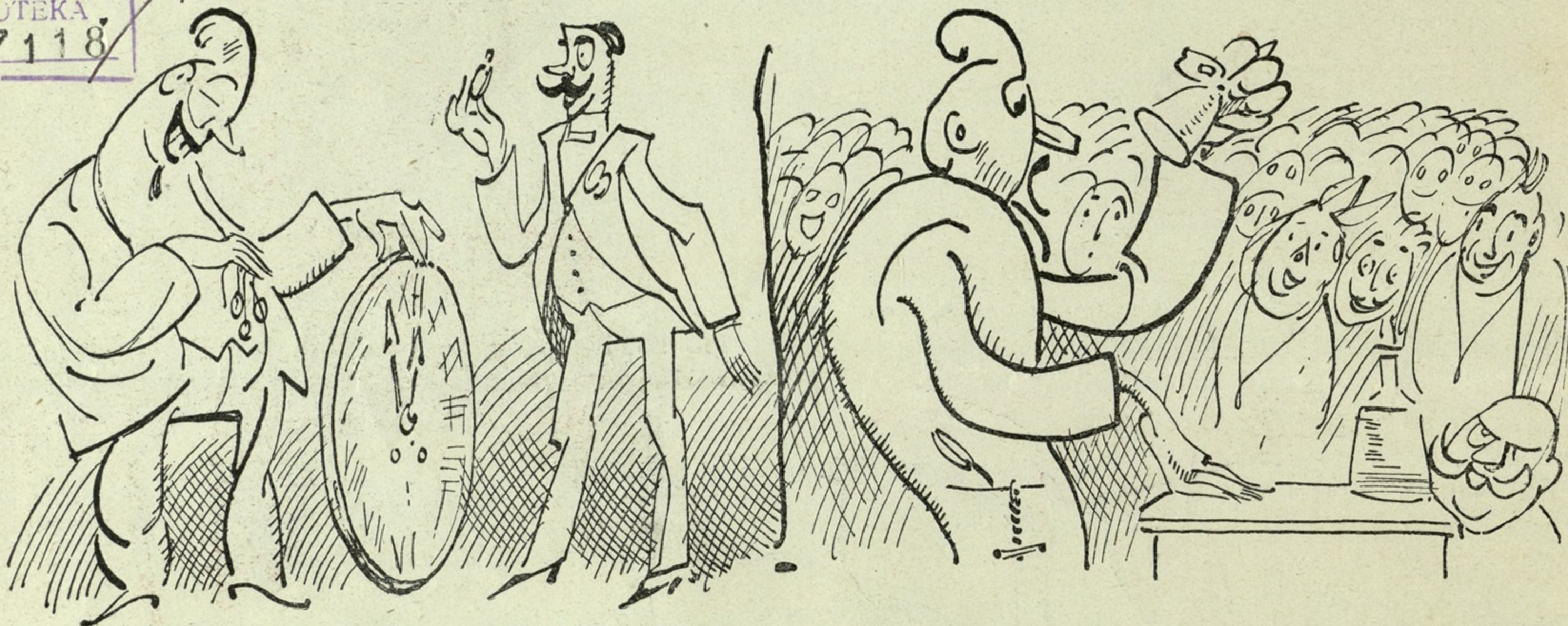

Профессиональные вору рѣшили объединиться, — слишком ужъ много появилось имъ конкурентовъ за послѣднее время. Рѣшили устроить 'съѣздъ'. Самые именитые вору, шниферы, пролѣзли черезъ форточки, къ великой зависти мелкота.

Попроше проникли на засѣданіе при помощи отмычекъ. А самая мелкота, воришки, съ великимъ горемъ и позоромъ шли черезъ настежь открытыя парадныя двери.

Новосибирская
областная научная
библиотека
№ 8717118

7573

Предсѣдателемъ долженъ былъ быть тотъ, кто въ одинъ часъ укралъ больше всего часовъ. Одинъ показалъ даже часы, которые онъ укралъ съ думской каланчи, но Предсѣдателемъ былъ выбранъ воръ, который ухитрился украсть часы у интенданта!

Но когда онъ сталъ звонить, призывая къ порядку почтенное собраніе, — онъ увидаль, что кто-то укралъ у звонка язычекъ! Всеобщее движеніе (смѣхъ и шумъ на правыхъ скамьяхъ).

— Г-нъ предсѣдатель! прошу слова, — сказалъ домушникъ Волка Клинь, — засѣданіе продолжаться не можетъ, такъ какъ кто-то укралъ пристава, — (плачь въ центрѣ, бурные крики неодованія на правой, гробовое молчаніе на лѣвой).

Пришлось прекратить засѣданіе. Хотѣли разойтись, но увы! На окнахъ и дверяхъ были рѣшетки. Это была страшная месть вора Ваньки Одеколончикова, не приглашеннаго на съѣздъ. Украсть въ „Крестахъ“ всѣ рѣшетки и перенести ихъ на съѣздъ, было для Ваньки дѣломъ одной минуты. Такъ печально для воровъ, и такъ счастливо для полиціи — закончился первый съѣздъ воровъ.

ВОПЛЬ.

Новый городской голова въ вершину угла своей дѣятельности ставитъ интересы обывателей.

Изъ газетъ.

Графъ Толстой! Внемлите голосу
Не людей, а — убѣжденія:
Петербуржецъ вверженъ въ полосу
Тяжкихъ золь и вырожденія.
Вскрыты сонныя артеріи
Непристойнаго коллектора,
Истребляютъ насъ бактеріи
Со стремительностью Гектора;
Мы сроднились съ нечистотами,
Съ эпидеміей, съ бараками,
Дохлаемъ мерзко — готентотами,
Безотвѣтными собаками;
До трамвая ходимъ милями,
Всѣ извозчики — предатели,
Не убьетъ автомобилями, —
Заѣдятъ квартиродатели;
Медицина лѣтомъ ѣжится,
Всюду яйца учатъ курицу, —
Если женщинѣ не можетъ,
То иди родить на улицу;
Злой колбасникъ съ рожей хитрою,
Толстый рыбакъ съ подлой жилкою —
Травятъ мерзостной селитрою
И проклятой салицилкою;
Лимонады — нафуксинены.
Вскупорошены горошины,
Апельсины — подмессинены,
А карманы облапошены.
Гнись въ дугу, подобно колосу
И терпи отъ всякой гадины...
Графъ Толстой! Внемлите голосу, —
Вы, вѣдь, — въ „головы“ намъ далены.

Владимиръ Воиновъ.

В. Г. КОРОЛЕНКО.

(Къ его юбилею).

I.

РОЖДЕНИЕ.

Было начало пятидесятихъ годовъ. Въ воздухѣ уже носились шестидесятые годы.

1861 годъ былъ почти уже на носу. Крестьянская реформа. Реформа суда. А. О. Кони.

За спиной шестидесятихъ годовъ стояли семидесятые годы и нетерпѣливо кричали первымъ:

— Ну, скорѣе! Чего ползете, какъ черепахи. Не видите, что намъ некогда?

Трудно было маленькому Короленкѣ въ такое время не родиться.

Онъ и родился.

II.

ДѢТСТВО.

Выборъ отца Владимиромъ Галактионовичемъ оказался весьма удачнымъ.

Онъ выбралъ человѣка небогатаго, но честнаго и уважаемаго, судью.

Въ тѣ времена, какъ видитъ читатель, честные люди были еще уважаемы и попадались они даже среди судей.

Фамилія отца Владимира Галактионовича была также, какъ и его, Владимира Галактионовича, фамилія — Короленко.

Дѣтство Владимира Галактионовича весьма многимъ не похоже на дѣтство современныхъ писателей.

Во первыхъ, онъ въ дѣтствѣ учился.

Во вторыхъ, читалъ.

Можно-ли такимъ предположеніемъ оскорбить нѣкоторыхъ изъ нынѣ славныхъ жрецовъ литературы?

Въ третьихъ, прочитанное продумывалъ и запоминать.

Можно-ли и т. д.?

Въ этихъ ненужныхъ для писателей новѣйшаго времени занятіяхъ и прошло дѣтство Владимира Галактионовича.

III.

МОЛОДОСТЬ.

Свою молодость Владимиръ Галактионовичъ провелъ весьма бурно.

Нерѣдко послѣ бурно проведенной ночи въ жандармскомъ отдѣленіи, онъ просыпался въ тюрьмѣ.

Часто въ глухую ночь вскакивалъ съ постели Владимиръ Галактионовичъ и отправлялся по этапу въ Сибирь.

Онъ переходилъ изъ тюрьмы въ тюрьму, мѣняя ихъ, какъ перчатки; на сорокоградусномъ сибирскомъ морозѣ колотъ дрова, расчищаль снѣгъ.

Словомъ, кутежамъ его не было конца.

Въ свободное отъ тюрьмы и ссылки время Владимиръ Галактионовичъ писалъ рассказы и повѣсти.

Послѣ того, какъ нѣкоторыя его вещи были переведены на иностранные языки и были замѣчены европейской критикой, имя его стало извѣстно и русскимъ критикамъ.

О немъ появились отзывы въ журналахъ и отзывы сочувственные, хвалебные.

Въ тѣ времена о писателяхъ талантливыхъ критики еще писали хвалебные отзывы, а о бездарныхъ писали отзывы плохіе.

IV.

НЕДОСТАТКИ В. Г. КОРОЛЕНКО.

Есть, конечно, много достоинствъ у Владимира Галактионовича.

Большое, конечно, достоинство то, что онъ пишетъ и пишетъ такъ, какъ дай Богъ всякому.

Но Владимиръ Галактионовичъ не только писатель. Онъ отлично помнитъ, что:

„Поэтомъ можешь ты не быть,
„Но гражданиномъ быть обязанъ...“

И трудно рѣшить, что онъ больше — писатель или гражданинъ?

Это мы тоже считаемъ достоинствомъ.

И все-таки недостатковъ больше, чѣмъ достоинствъ у Владимира Галактионовича.

Перечислимъ виднѣйшіе изъ недостатковъ:

- 1) Избѣгаетъ рекламы.
- 2) Не пьетъ.
- 3) Неохотно отвѣчаетъ интервьюерамъ.
- 4) Не кричитъ о себѣ на всѣхъ перекресткахъ и
- 5) Пишетъ о чемъ угодно, только не о себѣ.

Съ точки зрѣнія современнаго писателя трудно одобрить подобное поведеніе.

V.

КАКЪ ЖИВЕТЪ И РАБОТАЕТЪ В. Г. КОРОЛЕНКО.

Пишетъ. Редактируетъ „Русское Богатство“. Слѣдитъ за общественной жизнью.

Какъ пишетъ? Какой при этомъ носитъ пиджакъ? Что ѣсть и пьетъ до, послѣ и во время писанія?

Какъ редактируетъ? Въ какомъ положеніи находится его правая рука при исправленіи рукописи?

Что думаетъ Владимиръ Галактионовичъ объ авіаціи? Какъ онъ смотритъ на автомобильныя гонки?

Какого онъ мнѣнія о петербургскихъ мостовыхъ? О танцахъ Шуваловой? О королѣ Фердинандѣ? О жарѣ? Объ убійствѣ Тиме? О тайнѣ обводнаго канала? О богоискателяхъ?

На всѣ эти вопросы трудно отвѣтить, ибо Владимиръ Галактионовичъ считаетъ институтъ сергѣенокъ излишнимъ и даже вреднымъ.

Судя по результатамъ, онъ работаетъ хорошо.

Судя по внѣшности, живетъ скромно.

Составилъ по первоисточникамъ

О. Л. Д'Орѣ.

ЯРМАРКА ВЪ ПАРИЖѢ.

III.

СКАЧКИ.

„Скачки для дамъ и мужчинъ“
Написано черной краской
Подъ лошадиной маской.
У кассы стоитъ господинъ
Въ рейтузахъ и сѣрой визиткѣ,
Худенькій и жидкій.

И тутъ же въ бѣломъ трико,
Въ ярко зеленой жокейкѣ,
Сидитъ мадамъ на скамейкѣ.
Грудь приподнявъ высоко,
Хлыстомъ обтрепанно-стертымъ
Бьетъ она по ботфортамъ.

Съ виду ей сорокъ лѣтъ,
Но, какъ въ эти годы слониха,
Держитъ она себя лихо.
Бросивъ пять мелкихъ монетъ,
Протиснулся я къ барьеру
И приподнялъ портьеру.

Грязью бросая въ лицо
Зрителямъ безъ отдачи,
Скрюченныя три клячи
Въ тѣсное сжались кольцо
И скачутъ, хрустя костяками,
Стуча кривыми ногами.

На одной усѣлся солдатъ,
На двухъ другихъ—амазонки.
Голоса и хлысты ихъ звонки!
На столбѣ надъ ареной плакать:
Рядъ буквъ грязныхъ и потныхъ:
„Пожалуйте животныхъ“.

II. Потемкинъ.

Рис. Миссъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Американцы.

ЧИТА. Не успѣли построить въ новомъ городѣ Алексѣевскѣ, находящемся въ амурской тайгѣ, и одного дома, какъ канцелярія амурскаго тюремнаго инспектора спѣшно составила смѣту на сооруженіе каменной тюрьмы на 300 человекъ.

Вотъ прекрасный рецептъ для постройки новаго города: беретъ гладкое пустое мѣсто и на немъ строится тюрьма на нѣсколько сотъ человекъ. Затѣмъ ловятъ разныхъ людей и суютъ ихъ въ эту тюрьму.

А дальше уже все идетъ, какъ по маслу... Вокругъ тюрьмы вырастаютъ хибарки торговокъ бубликами и пирожками для арестантовъ. У каждой торговки есть любовникъ— для нихъ какойнибудь предприниматель строитъ пивную; послѣ пивной вырастаетъ лавочка съ сапогами и гармошками и—казенная винная лавка. Для пивного торговца, лавочника и казеннаго сидѣльца нужны развлечения— строятъ кинематографъ.

И черезъ три-четыре года—кипитъ, бурлитъ городская жизнь... А тамъ, глядишь— и тюрьму уже перестраиваютъ.

На 500 человекъ.

„Дурацкій“ казусъ.

Саратовъ. За перепечатку изъ черносотенной „Волги“ акростиха священника: „Волга дура“ конфискованъ номеръ „Саратовскаго Листка“.

И блестяще доказано этимъ, что „Волга“ умная. А дуракъ кто-то другой.

Типографъ—экспонатъ.

На кievской выставкѣ раздаются въ громадномъ количествѣ ленточки съ такимъ текстомъ:

„Симъ извѣщаю гг. Экспонентовъ и Экспонатовъ (?), что мною на территоріи выставки открыта типографія“.

Интересно, кто этотъ типографъ: экспонентъ или экспонатъ?

И если онъ—второе,— то въ какомъ отдѣлѣ его показываютъ?

И когда его кормятъ— въ пять ли часовъ, какъ другихъ его товарищей по клѣткѣ— или въ другое какое время?

Фотографъ-революціонеръ.

Хоронили извѣстнаго антрепренера В. А. Казанскаго...

Однимъ изъ явившихся на Николаевскій вокзалъ фотографомъ была сдѣлана попытка снять похоронную процессію, но этому намѣренію фотографа воспрепятствовалъ ротмистръ желѣзнодорожнаго жандармскаго управления Ивановъ...

Когда друзья покойнаго потребовали у ротмистра объясненій—онъ отказался дать ихъ.

Однако, какаянибудь причина, по которой нельзя снимать похоронную процессію—была...

Вѣроятно, ротмистръ боялся, что щелканье кодака будетъ принято публикой за револьверный выстрѣлъ и вызоветъ панику...

Или онъ опасался, что, увидѣвъ напечатаннымъ въ журналѣ снимокъ съ погребальной процессіи— рабочие станутъ пѣть „Вѣчную память“, забастуютъ и начнутъ строить баррикады.

Охъ, не сломлена еще гидра революціи!

Новый календарь.

Въ одной изъ деревенекъ сарапульскаго уѣзда крестьяне собрались на сельскую сходку и составили приговоръ такого содержания:

„Мы, нижеподписавшіеся, постановили праздновать нашъ престольный праздникъ въ честь Михаила Архангела не 8 ноября, а лѣтомъ, въ концѣ іюля“.

Приговоръ былъ направленъ земскому начальнику. Получивъ такой несообразный документъ, земскій начальникъ спрашиваетъ „ходатаевъ“:

— Что за безсмыслица...

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе... такъ что мы думали...

— Что вы думали? Развѣ можно перенести осенній праздникъ на лѣто?

— То-то, да!— не смутясь отвѣтили мужики: потому, ваше благородіе, у насъ очень неспособно тогда, осенью-то, много пь.ныхъ тогда замерзаетъ.

Наконецъ-то общество народнаго здравія стало правильно функционировать.

ВЕНЕЦІЯ НОЧЬЮ.

Какъ напуганная птица,
Въ бѣломъ мѣховомъ боа,
Въ шляпѣ съ перьями, блудница
Мечется, едва жива.
Бьются гондолы о камень
И стучать, какъ скорлупа.
Солнечный забывши пламень,
Твердь нѣма, черна, тупа.
Кружево Палаццо Дожей
Нѣжится на чернотѣ.
Старый Маркъ сіяетъ строже,
Чѣмъ въ полдневной суетѣ.
На колоннахъ, межъ которыхъ
Объявляли казнь живымъ,
Кровь жестокихъ приговоровъ
Свѣтитъ заревомъ ночнымъ.
Кампанилла острой крышей
Будетъ въ небо до зари
Улетать все выше, выше...
На часахъ пробило три.

Сергій Городецкій.

БИРЖЕВИКЪ.

...Слабъ Берлинъ... Вездѣ игра плохая...
Надъ газетой горестно поникъ,
Морща лобъ и тягостно вздыхая,
Шменделевичъ, видный биржевикъ.

Фу!... Алло! Сто три и восемь — живо... —
Соломонъ? Ну? Чувствуешь? Читаль?...
И доносить трубка сиротливо
Соломона реплику:... скандалъ!... —

Ну, конечно, мы не обнищали,
Все-же — какъ надули, ой-ой-ой...
И мотаеъ въ знакъ глухой печали
Шменделевичъ лысой головой.

Вечеръ смотритъ грустно и уныло
Изъ-за тучъ въ открытое окно...
Слабъ Парижъ — вотъ это очень мило...
Ну, а вечеръ — вечеръ все равно...

Ночью будетъ ужинать въ шантанѣ,
Соломонъ съ собой притащитъ бабъ,
А въ мозгу застрянетъ, какъ въ туманѣ,
Что Берлинъ и завтра будетъ слабъ.

Къ четыремъ, взглянувъ на сумму въ счетѣ,
Съ легкой тѣнью жизненной тоски,
Проворчитъ: — Ой, какъ вы, право, жрете,
Какъ совсѣмъ голодные быки...

Соломонъ, въ мучительной истомѣ,
Дамъ къ себѣ въ моторѣ повезетъ,
Шменделевичъ, грустно экономя,
За угломъ извозчика найметъ.

И домой вернувшись — въ кабинетѣ
Передъ сномъ погрезитъ пять минутъ: —
Что-то будетъ въ завтрашней газетѣ?...
Неужели, брянскія падутъ?..

Арк. Буховъ.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Въ „Воронежскомъ Телеграфѣ“ рецензентъ „Псевдонимъ“ такъ начинаетъ рецензію:

Безсмертная комедія Н. В. Гоголя „Ревизоръ“, поставленная 26 июня по первоначальнымъ и старымъ вариациямъ (?), прошла удовлетворительно. Художественные, законченные и памятные типы, типики, типунчики всѣхъ персонажей пьесы за исключеніемъ немногихъ однако не получили на сценѣ должной окраски.

„Типы, типики, типунчики“.

Поневоля пожелаешь, чтобы послѣдняя изъ этихъ трехъ разновидностей появилось на языкѣ у не въ мѣру болтливаго автора.

* * *

„Кіевская Мысль“ подъ заголовкомъ „Стихійныя бѣдствія“ печатаетъ такія телеграммы:

Лондонъ. — Закрылся конгрессъ по пресѣченію торговли женщинами.

Берлинъ. — Императорск. автомоб. клубъ далъ завтракъ въ честь участниковъ пробѣга Москва — Парижъ.

До чего же изнервничались газетные работники, если автомобильный завтракъ уже кажется имъ стихійнымъ бѣдствіемъ.

* * *

Въ „Новомъ Времени“ мы натолкнулись на объявленіе о книгѣ:

„Изданіе А. С. Суворина. Обзорніе иконописанія въ Россіи. — Ровинскаго, съ приложеніемъ статьи „Описаніе фейерковъ и иллюминацій“.

Дядя Ровинскаго безвыѣздно проживаетъ въ Кіевѣ, а самъ Ровинскій у себя за Нарвской Заставой устроилъ огородъ, въ которомъ посадилъ нѣсколько кустовъ развѣсистой бузины.

Готовятся къ печати (тамъ же) слѣдующія книги:

„Русскій балетъ“ съ приложеніемъ статьи „Какъ я бѣжалъ съ каторги“.

„Уходъ за коровой“, съ приложеніемъ статьи „Искусство быть красивой“.

„Отъ Столыпина до Маклакова“, съ приложеніемъ статьи „Я никого не ѣмъ!“

ПЕРЕДЪ ГАМЛЕТОМЪ.

Негръ.—Бѣдный молодой человѣкъ!.. Я понимаю, почему у него такое грустное лицо—еще бы!! Ему остались только одни кости.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ВЪ ВОЗДУХЪ.

Разсказъ Аркадія Аверченко.

I.

Пишущій эти строки замѣтилъ странную вещь: какъ только онъ начнетъ вспоминать какой либо эпизодъ изъ жизни трехъ разгульных молодыхъ людей—Подходцева, Громова и Клинка—такъ онъ обязательно начинаетъ съ того, что „Клинокъ, Громовъ и Подходцевъ лежали въ большой комнатѣ на трехъ кроватяхъ“...

А объясняется это просто: всѣ трое были людьми такого сорта, что если не сидѣли въ какомъ нибудь кабачкѣ или не работали, добывая себѣ пропитаніе—они обязательно и безусловно лежали на кроватяхъ.

Такъ и въ данномъ случаѣ: было уже половина двѣнадцатаго дня, а всѣ трое и не думали о вставаньи... Лежали на кроватяхъ подъ спустившимися включенными одѣялами, и съ плохо скрытымъ омерзѣніемъ поглядывали другъ на друга.

— Удивительное дѣло, — прошипѣлъ вдругъ Громовъ, отворачиваясь къ стѣнѣ и показывая всѣмъ своимъ видомъ, что дальнѣйшее созерцаніе Клинка и Подходцева для него невыносимо. — Какъ много на свѣтѣ паразитовъ...

На это Подходцевъ возразилъ:

— Ты не настолько знаменитъ, чтобы отнимать у насъ время своей автобіографіей.

— „Какъ съ ними тяжело, — подумалъ толстый Клинокъ, у котораго, несмотря на его добродушіе и незлобивость, уже съ ранняго утра что-то накопало... что-то поднималось отвратительное, неприятное.—Всѣ эти ихъ остроты, взаимныя шпильки... Никогда они не поговорятъ, какъ люди, а всѣ съ вывертомъ. И завтра это же будетъ... и послѣзавтра. Вотъ тоска-то!“

— Ничего не отвѣчу тебѣ, — сказалъ Громовъ, поворачиваясь отъ стѣны и со злостью глядя на голыя мускулистыя руки Подходцева, которые тотъ разминалъ, вздергивая ихъ къ потолку и съ трескомъ опу-

ская на одѣяло. — Ничего не отвѣчу на это, потому что плоско острить—это твоя специальность. И потомъ, пожалуйста, не ввязывайся, когда я говорю не о тебѣ!!

Какъ стрѣла, выпрямился, натянулся подъ одѣяломъ грузный Клинокъ и, быстро повернувшись къ Громову, вперилъ въ него горящій бѣшенною злобой взглядъ.

— Ахъ, ты не о немъ говоришь?! Насъ тутъ трое... Значитъ, ты говоришь обо мнѣ?! Я, по твоему, паразитъ?!

— Прошу тебя—безъ громкихъ фразъ, — холодно процѣдилъ Громовъ.—Я знаю, почему ты не встаешь такъ долго... Потому что сегодня твоя очередь заваривать чай. Ты насъ хочешь перележать. Думаешь: „потеряютъ же они когда нибудь терпѣніе, вскочутъ же они и заварятъ же они когда нибудь чай. А я тутъ-какъ-тутъ—встану и напьюсь горячаго чайку“.

— Господа - а - а, — искусственно удивился Клинокъ, — Громовъ—постигъ человѣческую психологию!! Ты слышишь, Подходцевъ?! Онъ разбирается въ человѣческой психологіи—этотъ человѣкъ, для котораго загадочна психологія даже кухонной мясорубки...

— Не вижу большой разницы, — пробурчалъ Подходцевъ.

— Значитъ... ты меня сравниваешь съ мясорубкой? — растерялся Клинокъ. — Свинья, ахъ свинья! А еще вчера говорилъ мнѣ, что встрѣтилъ во мнѣ человѣка исключительно тонкой организаціи.

— Говорилъ...—цинично согласился Подходцевъ, — но почему говорилъ? Просто хотѣлъ подмазаться къ тебѣ. Вспомни, что чейчасъ же послѣ этихъ словъ я попросилъ тебя сочинить мнѣ заявленіе въ университетъ, а ты, какъ дуракъ, растаялъ, повѣрилъ и сочинилъ.

— Ну, знаете, — дрожащимъ отъ возмущенія и обиды голосомъ проговорилъ безпомощный Клинокъ.—Чѣмъ дальше, тѣмъ я больше убѣждаюсь, что я здѣсь, среди васъ, лишній. Наглость человѣческая—кушанье не для меня. Я вижу, намъ просто нужно разстаться.

Подходцевъ ехидно прищурился.

— Къ дядѣ думаешь поѣхать?

— Къ дядѣ, къ черту, къ дьяволу, только чтобы не быть въ этомъ хлѣбѣ.

Онъ со злобой оглядѣлъ комнату и вдругъ истерически закричалъ:

— Тысячу разъ я вамъ говорилъ, чтобы вы не бросали на столъ грязные воротнички?! Это вы мнѣ на зло дѣлаете?! И я замѣтилъ, что какъ только мы усаживаемся за столъ — вы сейчасъ же подвигаете пепельницу мнѣ подъ носъ. Знаете прекрасно, что я не курю, что мнѣ противенъ запахъ раздавленныхъ папиросъ — и нарочно ставите пепельницу мнѣ подъ самый носъ.

— Одинъ человѣкъ съ такимъ пронзительнымъ голосомъ сдѣлалъ блестящую карьеру, — потянулся Подходцевъ.—Капитанъ океанскаго парохода нанялъ его въ пароходные гудки.

— О, какъ бы мнѣ хотѣлось вырваться отъ васъ!!

— Къ дядѣ?—ехидно засмѣялся Громовъ.—Подходцевъ, который это уже разъ онъ собирается къ дядѣ?

— Онъ не каждый день можетъ поѣхать къ дядѣ, — объяснилъ Подходцевъ.—Родственникамъ тюремная администрація разрѣшаетъ свиданіе только разъ въ недѣлю—по пятницамъ. Сегодня онъ не уѣдетъ. Среда.

Закусивъ губу, всталъ съ кровати Клинокъ; натянулъ на массивныя ноги брюки, умылся и, причесавшись, подошелъ къ Громову съ самымъ официальнымъ видомъ.

— Вы извините, г. Громовъ, — сказалъ онъ съ присущей ему благородной простотой, — извините, что обезпокою васъ просьбой, но у меня нѣтъ на дорогу денегъ. Будьте добры одолжить мнѣ 25 рублей, а я по приѣздѣ на мѣсто тотчасъ же вамъ ихъ вышлю. Пожалуйста, выручите меня въ послѣдній разъ.

— Пожалуйста, — холодно отвѣчалъ Громовъ.—Только зачѣмъ-же высылать: вы вѣдь знаете прекрасно, что я вамъ долженъ больше.

— О, нѣтъ! Это были дружескія одолженія, которыя не въ счетъ. Мы перепутывались, какъ могли, не считаясь съ этимъ. При существующемъ же положеніи многое изъ того, что было раньше—неудобно.

— Какъ хотите, какъ хотите, — расшаркался Громовъ.

— Очень вамъ благодаренъ за одолженіе,—съ достоинствомъ поклонился Клинковъ и, выдвинувъ изъ угла свой чемоданъ, принялся укладываться.

Полуодѣтые Громовъ и Подходцевъ сидѣли на кроватяхъ и мрачно наблюдали за пыхтящимъ Клинковымъ.

— Виновать,—деликатно сказалъ Клинковъ, роясь въ бѣльѣ.—Это, кажется, ваши платки. А этотъ галстухъ—вашъ. Будьте добры получить ихъ. Мнѣ бы не хотѣлось огорчить васъ отсутствіемъ вашихъ любимыхъ вещей.

— Говорить, какъ какой нибудь дохлый маркизь среднихъ вѣковъ,—проворчалъ Подходцевъ.—Терпѣть не могу этихъ штукъ.

— Ну, что дѣлать,—ласково кивнулъ головой Клинковъ.—Послѣдній разъ... потерпите.

Послѣ долгаго молчанія Громовъ спросилъ:

— Когда-жъ ты вернешься?

— О, я право не знаю. Дядя меня уже давно зоветъ за границу. Вѣроятно, проживемъ годикъ въ Швейцаріи, а потомъ переѣдемъ еще куда нибудь... Ну, вотъ и готово! Прощайте, господа! Желаю вамъ жить весело и чтобы жизнь васъ не ранила особенно больно.

— Ключи на комодѣ, пишете,—съострилъ Подходцевъ съ такимъ однако видомъ, будто выполнилъ тяжелую весьма кислаго вкуса обязанность.—Досвиданья, Клинище. Не поминай лихомъ.

— О, нѣтъ зачѣмъ же. Пусть все дурное постепенно вывѣтрится и останутся только хорошія, какъ старое крѣпкое вино, дружескія воспоминанія объ нашихъ утѣхахъ и забавахъ.

— Завтра, кажется, есть лучшій поѣздъ—осторожно замѣтилъ Громовъ.

— Нѣтъ, все равно. Спасибо. Я ужъ поѣду.

Вышли на улицу гуськомъ: впереди Клинковъ, пыхтя подъ тяжестью чемодана, за нимъ Подходцевъ, съ двумя картонками въ рукахъ, а сзади Громовъ, несшій, какъ послѣднюю дань дружбы, крохотную клинковскую коробочку изъ-подъ духовъ, наполненную запонками...

Клинковъ усѣлся на извозчика.

— Ну, всего вамъ хорошаго, друзья!

— Прощай, прощай,—неувѣренно бормоталъ Подходцевъ, похлопывая рукой, по крылу пролетки.—Ну, кланяйся тамъ дядѣ, какъ вообще... говорится.

А когда пролетка тронулась, онъ пошутилъ въ послѣдній разъ: схватилъ могучей рукой колесо и придержалъ экипажъ.

Почувявъ толчекъ, Клинковъ обернулся послѣдній разъ, погрозилъ съ печальной шутливостью пальцемъ и—уѣхалъ.

II.

Вернулись въ комнату. Снова усѣлись на кроватяхъ. Долго поглядывали въ потолокъ, будто ища нужныхъ словъ.

— Вотъ и уѣхалъ нашъ Клинковъ.

— Да... Какъ-то неожиданно. Я совсѣмъ не думалъ. Положимъ, въ послѣднее время онъ сдѣлался совершенно невыносимымъ, правда?

— Ну, мы тоже фрукты хорошіе!—съ внезапнымъ приливомъ самообличенія, рявкнулъ Подходцевъ.—Тоже и съ нами жить не медъ.

— Любилъ покойничекъ чистоту,—уныло улыбнулся Громовъ.—Гляди: даже то мѣсто, гдѣ стоялъ его чемоданъ, выдѣляется этакимъ аппетитнымъ свѣже выкрашеннымъ квадратомъ!

— Да... А какъ онъ любилъ покушать. Бывало, когда не спросишь: „Клинище, хочешь пожевать чего-нибудь“. Всегда приходилъ въ восторгъ.

— А помнишь эту дѣвицу, съ которой мы Пасху встрѣчали. Таковую штуку только и могъ выкинуть Клинковъ.

— А какъ онъ ловко себя велъ, когда мы у Харченки подъ покойничка субсидію брали.

— Свиныя этотъ Харченко,—вставилъ Громовъ.— Не сравнить его съ Клинковымъ.

— Еще-бы! У Клинкава была какая то благородная простота въ обращеніи. Ты замѣтилъ?

— Мало, что простота. Онъ былъ всегда ровень и покладистъ, чего намъ съ тобой не достаетъ.

— Потому-то ты его и выжилъ,—ехидно вставилъ Подходцевъ.

— Я? Я его выжилъ? Ну, это знаешь-ли—свинство! Самъ же обидѣлъ его дядю, ругалъ Клинкава, провелъ параллель между нимъ и мясорубкой.

— Врешь ты все,—возразилъ Подходцевъ.—Вотъ Клинковъ бы не вралъ. Онъ былъ такой правдивый.

— Пойди-ка, поймай его, правдиваго Клинкава. Катить онъ теперь въ вагонъ и думаетъ о насъ очень плохо.

— Ну, онъ еще не уѣхалъ, вѣроятно. До поѣзда сорокъ минутъ.

— Едва-ли теперь ужъ вернешь его.

— А почему? Я думаю, уснѣть можно.

— Попробуй-ка. Я ему, признаться, всѣ деньги отдалъ. Нѣтъ даже на извозчика.

— Пустяки! У насъ есть запечатанная бутылка водки и перочинный ножикъ. Я думаю, извозчикъ возьметъ это, вмѣсто денегъ.

— Такъ ты бы еще больше возилъ!! Заворачивай водку въ бумагу—ѣдемъ.

— Шляпа!! гдѣ моя шляпа?! Вѣчно ты ее куда-нибудь засунешь!

III.

Извозчикъ согласился на странную комбинацію съ водкой и ножомъ только тогда, когда попробовалъ—не вода-ли въ бутылкѣ.

Оба друга, какъ камни, свалились съ пролетки и помчались на перронъ.

— Что, поѣздъ на Кіевъ еще не ушелъ?—подлетѣлъ Подходцевъ къ начальнику станціи.

— Двѣ минуты тому назадъ ушелъ.

Подходцевъ вспылилъ:

— И чертъ васъ знаетъ, куда вы такъ всегда торопитесь. Вамъ бы только крушенія устраивать.

Разочарованные, опечаленные, оба друга съ опущенными головами побрели въ буфетъ.

— Выжили человѣка... Добились...

— Да ужъ... Скотами были, скотами и останемся. Не могли уберечь эту кристальную душу.

— Слушай!—закричалъ вдругъ Подходцевъ.—Вотъ она!!

— Кто?

— Кристальная душа-то! Пожарскую котлету лопаешь.

Дѣйствительно, за буфетнымъ столикомъ сидѣлъ путешественникъ Клинковъ и съ аппетитомъ ѣлъ вторую порцію котлетъ.

Подходцевъ подошелъ къ нему сзади, нѣжно поцѣловалъ его въ крохотную лысину и сказалъ:

— Хочешь чего-нибудь покушать.

— Хочу!—восторженно сказалъ Клинковъ.— Только какъ же съ поѣздомъ?

— Уже ушелъ, братъ.

— И куда они торопятъ, чертъ ихъ дери?—пожалъ плечами Клинковъ.

— То же самое и я сказалъ начальнику станціи. Тутъ около вокзала есть ресторанъ съ садикомъ.

— Знаю,—важно подтвердилъ Клинковъ.— Прекрасное пиво.

Когда всѣ чокнулись, Громовъ не удержался.

— Серьезно, Клинковъ у тебя есть дядя?

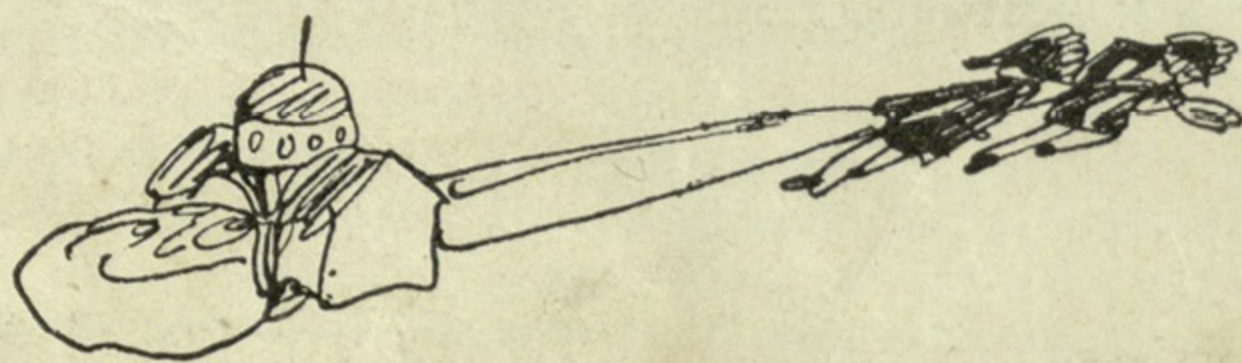
— Доподлинно я не увѣренъ,—наморщилъ брови Клинковъ.—Можетъ быть, съ нимъ дѣйствительно, по словамъ Подходцева, даютъ свиданіе только по пятницамъ. Чего не знаю—того не знаю... Но дѣло въ томъ, что у насъ въ комнатѣ слишкомъ много скопилось электричества. Я и разрядилъ его, по своему разумѣнію.

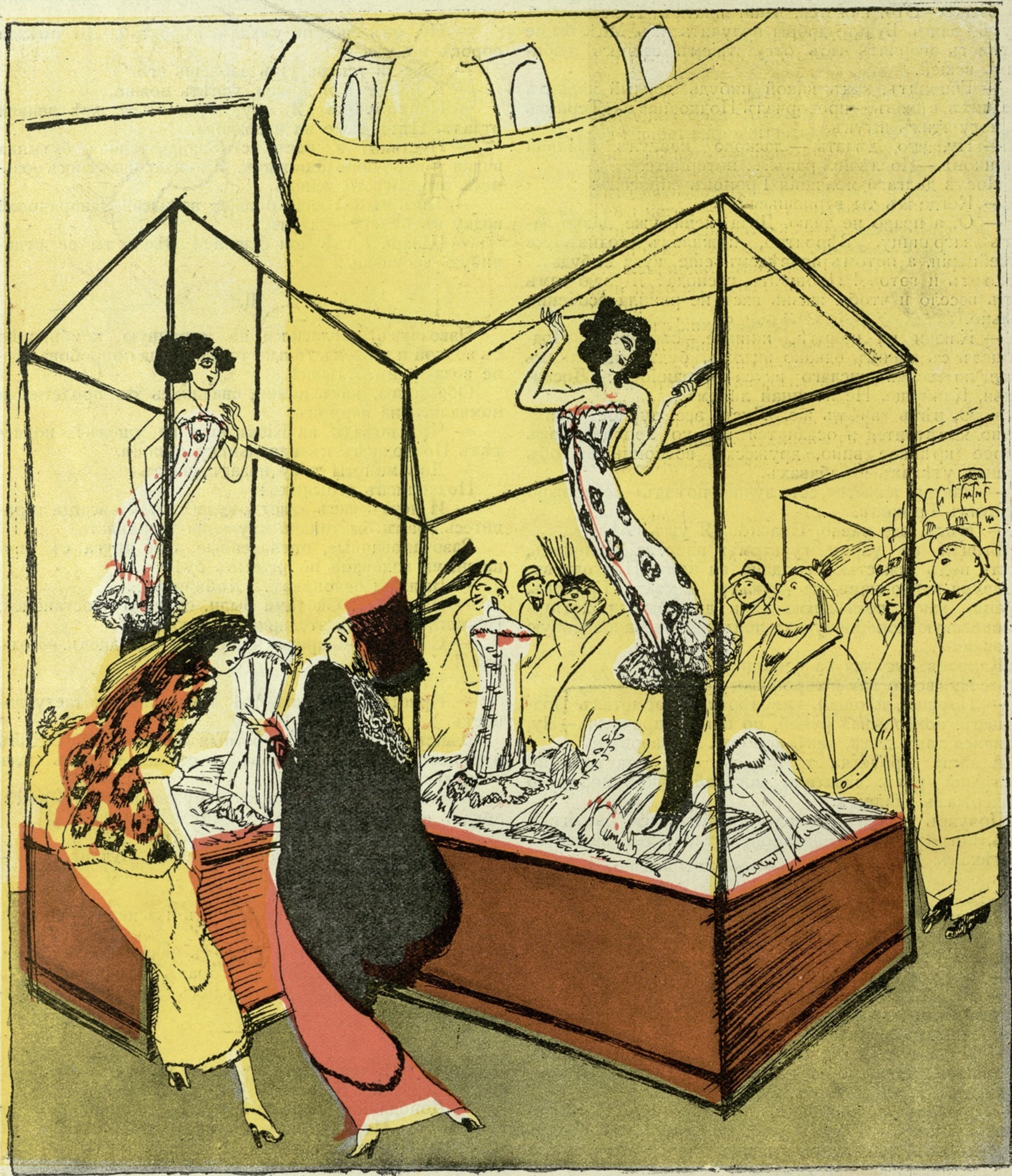
— И какимъ могучимъ разрядомъ!!

— Хе-хе... Твое здоровьице!

— За ваше, господинъ Клинковъ!

Аркадій Аверченко.

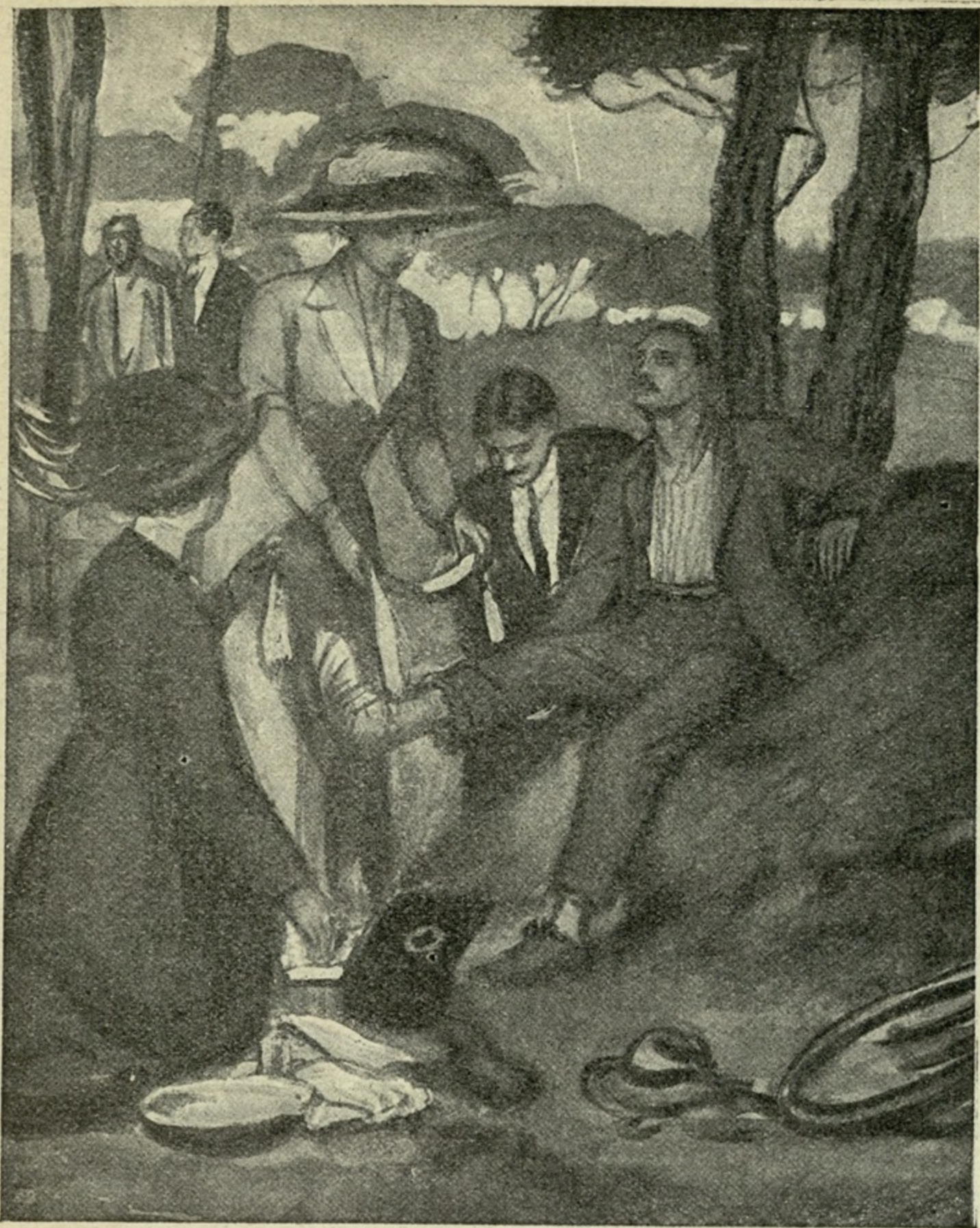

ХОТЬ КОЛЬ НА ГОЛОВЬ ТЕШИ.

(На гигиенической выставкѣ).

1-я дама:— Погляди-ка, погляди... Вотъ тутъ выставлены образцы наиболее вредныхъ для здоровья корсетовъ...

2-я дама:— Да, да... Вотъ этотъ лѣвый очень милъ. Нужно будетъ узнать у здѣшней администраціи адресъ корсетницы!...

Этотъ рисунокъ былъ помѣщенъ въ „Итальянской иллюстраціи“. Изображаетъ онъ Итальянскую Королеву, перевязывающую ногу велосипедиста, попавшему подъ автомобиль Королевы.

Этотъ рисунокъ далъ намъ хорошую идею.

— Какъ вы не осторожны, мой повелитель, — воскликнулъ блѣдный, блѣдный мальчикъ, 6-й годъ попирающій землю Великобританій, — вы оторвали мнѣ ракеткой руку.

— О прости, прости меня, добрый мальчикъ.

— Мнѣ ли прощать васъ! — воскликнулъ малютка, кротко улыбаясь. — Я плачу о томъ, что вы не оторвали мнѣ голову... Можетъ быть, она могла бы замѣнить вамъ тотъ мячъ, который вы забросили вчера.

— Нѣмцы! вотъ что случилось вчера на Фридрихштрассе.

Бѣдная старушка тщетно старалась перейти черезъ улицу Увы! Это ей не удалось. Вдругъ появился человекъ и мощной рукой, твердо ступая, повелъ ея къ намѣченной цѣли. Онъ не побоялся гудящихъ моторовъ, готовыхъ каждую минуту раздавить его, лошадей, яростно бросающихся на него, не побоялся, замараться объ окружающій плескъ, не побоялся замерзнуть. не побоялся львовъ, каждую минуту могущихъ вырваться изъ Зоологическаго сада, да, онъ ничего не боялся. Глаза его были наполнены слезами, а уста шептали, — такъ точно я поведу мою Германію къ счастью и славѣ!

— Кто же этотъ величайшей доброты человекъ! Изъ понятной скромности мы умолчимъ о его имени, скажемъ только что зовутъ его Вильгельмъ, а фамилія начинается на Гогенцоллер...

— Другъ мой! — сказала баронесса Нассау-Фридрихъ-Августа, — фортуна сегодня благопріятствовала вамъ: моя булавка попала вамъ въ глазъ... Чтожъ—ваше счастье! Вижу по платью, что вы человекъ небогатый— носите на здоровье на глазу мою шляпу, а я пойду домой безъ шляпы! Пусть вѣчное небо покроетъ голову мою, — я не боюсь ни палящихъ лучей солнца, ни урагана, который растреплетъ мои волосы, ни орловъ, могущихъ клонуть мою обнаженную голову, — все перенесу за желаніе помочь ближнему.

КАКЪ МЫ ПРОВЕЛИ СЕЗОНЪ.

Мы взяли восемь декораций,
Двѣ залы съ аркой для колоннъ,
Ступень — (чтобъ Гамлету подняться,
Когда играютъ „отчий сонъ“).

Двѣ роши. Комнатныя стѣнки.
Для быта — шкафикъ подъ Empire,
Для этажерки — бюстъ Шевченки,
И (какъ-же иначе?) — Шекспиръ.

Каминь трясущийся мы взяли.
Безстыдно-яркій, красный пуфъ,
И, чтобъ повѣсить въ свѣтской залѣ, —
Олеографію: „Гурзуфъ“.

Для „Чорта“ взяли два мольберта,
Для „Норы“ скандинавскій шкафъ,
Два эспадрона для Лаэрта,
Пожарный собственный рукавъ...

(О, да! Мы все предусмотрѣли).

Для этажерочекъ — слоны...

Тѣ... что безстыдно надоѣли...

Подъ гипсъ... съ отдѣлкою спины...

О, Боже! Взяли мало, много-ль,
Не все-ль равно, не все-ль равно?
Разъ бронзированный былъ Гоголь
Въ Акости вдвинуть на окно...

Разъ даже въ Генрихѣ Наваррскомъ, —

Чтобъ столъ направо не былъ пустъ —

Какъ въ магазинѣ канцелярскомъ

Стоялъ Тараса славный бюстъ.

Тарасъ Шевченко! О, провидецъ!

Какъ ты къ Офеліи попалъ?

Какихъ вѣковъ ты очевидецъ?...

...Каковъ собой Сарданапалъ?!...

Ты такъ сочувственно и братски

На горе Штокмана смотрѣлъ,

И даже что-то по хохлацки

Лаэртъ сказать тебѣ хотѣлъ.

Но какъ ты вздрогнулъ, какъ ты замеръ

О, несмѣняемый Тарасъ,

Когда страдавший, тихій Крамеръ

Зажегся горемъ звонкихъ фразъ...

Какъ ты стоялъ на этажеркѣ,

Надъ „Обнаженной“ смѣясь...

Во „Фракѣ“, скроенномъ „по мѣркѣ“,

Какъ презиралъ ты нашу грязь...

У Зудермана близъ Марикки

Ты плакалъ, свѣсивши усы,

Ты въ Клеопатрѣ слышалъ крики.

...Закрывъ каминные часы...

О, утомленнѣйшій Тарасе!

О, бюстъ за рубль пятьдесятъ...

Какъ тяжело въ рецензентской рясѣ

Средь театральныхъ поросятъ.

Сергѣй Горный.

ПОДАЧА ПЕРВОЙ ПОМОЩИ.

— Что это ты во фракѣ?

— Подавалъ сейчасъ первую помощь въ несчастномъ случаѣ.

— ?!

— Былъ шаферомъ на свадьбѣ.

ВЫИГРЫШНЫЯ РОЛИ.

— Вы чѣмъ же занимаетесь?

— Да я, собственно, служу на сценѣ...

— Какія же вы роли играете?

— Да, много ролей приходилось играть: третью сиротку давали играть въ „Двухъ сироткахъ“, четвертую сестру въ „Трехъ сестрахъ“, пятого въ комедіи „Ихъ четверо“, и совсѣмъ недавно еще мнѣ поручили — шестого франкфуртца въ пьесѣ „Пять франкфуртцевъ“.

Волкъ.

ТЯЖКІЙ ГРѢХЪ.

(Сценка).

Опустѣвшая сельская церковка. Священникъ, благообразный, но тучный мущина, съ „двойнымъ“ животомъ, только что кончилъ исповѣдь прихожанъ и разоблачается.

— Лука! подь сюда, подсчитай-ка златицы, — съ усмѣшкой киваетъ онъ одноглазому дьячку на стопку мѣдяковъ.

Въ дверяхъ появляется сморщенная, какъ черносливъ, нищенка съ костылемъ и котомкой въ рукахъ.

Отъ древности дрожить, какъ на пружинахъ. Озирается, ищетъ кого-то подслѣповатыми глазами и, не найдя, вопрошаетъ трескучимъ баскомъ:

— Укто есть еще?

— Тебѣ чего? — хмурится священникъ.

— Исповѣдаться, батюшка. Аль опоздала?

— Ладно, иди.

Старушка подходитъ къ аналою, кладетъ рядомъ костыль и котомку и впивается бѣлесоватымъ окомъ въ пастыря.

— Чѣмъ грѣшна?

— Охъ, батюшка, много грѣховъ, и-и сколько!

Старуха сокрушенно вздыхаетъ, складываетъ молитвенно руки и нараспѣвъ, гнусаво перебираетъ цѣлый ворохъ грѣховъ.

Задремавшій было пастырь прерываетъ потокъ ея словъ и привычнымъ движеніемъ накладываетъ эпитрахиль.

Но старуха ловко выскальзываетъ.

— Постой, батюшка, не договорила я. Есть еще одинъ грѣхъ... тяжкій грѣхъ...

— Ну? — оживляется исповѣдникъ. — Какой?

— Горжусь, батюшка.

— Гордишься?!

Духовный отецъ отступаетъ на два шага и съ изумленіемъ косится на плюгавую фигурку „тяжкой грѣшницы“, но, не находя въ ней ничего особеннаго, озадаченно чешетъ затылокъ.

— Конечно, — говоритъ онъ, — гордыня великій грѣхъ. Въ писаніи сказано: „нѣсть грѣха, паче гордости“. Самъ діаволь за гордыню быхъ изгнанъ изъ рая!.. Одно мнѣ невдомекъ: чѣмъ же ты, мать, гордишься?.. Умомъ?

— Господи! Какой умъ у старухи. Ежли и былъ когда, давно выдохся.

— Молодостью?..

— Мм... сказалъ то же! Почитай, при царѣ Горохѣ родилась... И счетъ годикамъ потеряла.

— Красотой, быть можетъ?!

— Чтой ты, батюшка, аль ослѣпъ отъ красоты моей? Собаки, и тѣ пугаются.

— Богатствомъ, развѣ что?? — потѣя отъ напряженія, допытывается пастырь, самъ чувствуя нелѣпость своихъ вопросовъ.

— Тебѣ бы мое богатство, — огрызается грѣшница.

— Такъ чѣмъ же, наконецъ?!

— И сама, батюшка, не пойму. Горжусь вотъ да и только.

Священникъ добродушно ухмыляется въ бороду, но что бы скрыть неподобающую моменту веселость, усиленно кашляетъ.

— Богъ проститъ, бабушка. Становись.

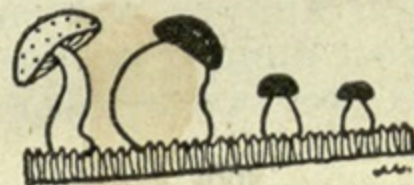
Онъ отираетъ потъ съ маслянистаго лика, накладываетъ эпитрахиль и читаетъ молитву.

Старуха истово крестится, нѣсколько разъ ныряетъ подъ эпитрахилью, отбивая земные поклоны, и громко причитаетъ:

„Царица небесная! Матушка-Заступница, прости меня, грѣшницу окаянную...“

Затѣмъ она долго, долго шаритъ въ карманѣ. Поймавъ семишникъ кладетъ его на аналой и торопливо сѣменить къ выходу, просвѣтленная и умиленная.

Ермилъ Чадушкинъ.

ГРАЖДАНИНЪ НА ПЛЯЖЪ.

Посвящается читающим на пляжъ газеты.

На пляжъ въ раздумьи
У пестрыхъ кабинъ
Въ купальномъ костюмѣ
Лежитъ господинъ.

Въ видѣньяхъ туманныхъ
Проходить чередъ
Такъ вѣжливо данныхъ
Когда-то свободъ.

И были свободы,
И нѣтъ ни одной!—
Вновь трудные годы,
Вновь сумракъ ночной...

Выбѣгаютъ изъ кабинки
Граціозно и легко
Двѣ хорошенькихъ блондинки
Въ фіолетовомъ трико.

Прямо въ воду... Бацъ! Поднялся
Цѣлый вихрь вспѣнныхъ брызгъ,
И надъ волнами раздался
Серебристый смѣхъ и визгъ...

О, смѣхъ, о, костюмы,
О, плечи наяда!—
Гражданскія думы
Пошли невпопадъ:

Хотѣлъ возмутиться
Балканской войной,—
Какъ мило дѣвица
Играетъ съ волной!..

И меркнуть кошмары
Подъ чарой красы:
Чтожъ!— рѣжутъ болгары
У плѣнныхъ носы...

Вотъ выходятъ!! Какъ обмокли!—
И прекраснѣе въ сто кратъ!..
Направляются бинокли,
Люди млѣютъ и глядятъ...

Болгары... но вытекъ
Гражданственный сокъ...

Купальный политикъ,
Заройтесь въ песокъ!

Красный.

КЪ ОТКАЗУ М. Г. КОРНФЕЛЬДА ОТЪ ТРЕТЕЙСКАГО СУДА СЪ НАМИ.

Въ настоящихъ строкахъ мы постараемся дать, по возможности, исчерпывающее объясненіе вопроса о судѣ чести и третейскомъ судѣ между нами и М. Г. Корнфельдомъ, какъ и раньше (въ № 3 „Нов. Сат.“) мы дали исчерпывающее объясненіе по общему вопросу о нашемъ конфликтѣ съ г. Корнфельдомъ.

Схема нашихъ взаимоотношеній по вопросу о выясненіи конфликта съ помощью того или другого суда — такова:

Мы первые предложили (словесно) г. Корнфельду судъ чести.

Онъ отказался.

Мы первые предложили г. Корнфельду третейскій судъ.

Онъ отказался.

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого категорическаго отказа онъ неожиданно самъ вызвалъ насъ на судъ чести, допустивъ при этомъ грубую передежку и утаивъ, что у насъ съ нимъ былъ нотаріальный договоръ.

Удивившись такому несоотвѣтствію словъ и поступковъ г. Корнфельда, мы, однако, поспѣшили изъяснить наше согласіе на судъ чести.

Судъ, на второмъ же засѣданіи, былъ по инициативѣ и прихоти г. Корнфельда сорванъ. Способъ, которымъ онъ для этого воспользовался, былъ названъ нѣкоторыми судьями „неслыханнымъ, небывалымъ въ русской литературѣ“.

На предложеніе, обращенное къ намъ сотрудниками прежняго „Сатирикона“ о возобновленіи суда чести, мы категорически отказались отъ всякихъ „судовъ чести“ съ г. Корнфельдомъ и предложили ему третейскій судъ.

Вотъ наше письмо по этому поводу.

Въ отвѣтъ на письмо сотрудниковъ журнала „Сатириконъ“, издаемаго М. Г. Корнфельдомъ, имѣемъ честь заявить слѣдующее:

Мы уже сдѣлали разъ попытку разрѣшить возникшія между нами и г. Корнфельдомъ недоразумѣнія путемъ суда чести, и если судъ чести не былъ доведенъ до конца, то это произошло по винѣ г. Корнфельда, допустившаго въ своемъ журналѣ такія противъ насъ выходки, которыя заставили судъ чести брезгливо отклонить отъ себя дальнѣйшее разсмотрѣніе дѣла.

Будучи въ принципѣ готовыми отвѣтить за всѣ свои дѣйствія, мы, тѣмъ не менѣе, не можемъ признать за г. Корнфельдомъ права отрывать насъ по своему капризу отъ нашей работы и заставлять насъ терять время на препирательства съ нимъ. Блестяще доказавъ, что онъ не умѣетъ держать себя на судѣ чести, г. Корнфельдъ долженъ примириться съ мыслью, что судъ чести—институтъ для него слишкомъ деликатный. Предлагаемъ г. Корнфельду третейскій судъ, который одинъ въ состояніи положить конецъ нашему съ нимъ спору. Считаемъ долгомъ указать, что предложеніе выйти на третейскій судъ мы дѣлаемъ г. Корнфельду не въ первый разъ.

А вотъ выдержка изъ письма г. Корнфельда, въ отвѣтъ на вышеприведенное:

Принимая во вниманіе письмо г.г. Аверченко, Радакова и Ремизова, напечатанное въ газетѣ „День“ отъ 29-го Іюня, въ которомъ они, „будучи въ принципѣ готовыми отвѣтить за всѣ свои дѣйствія“, тѣмъ не менѣе отказываются отъ такового отвѣта на судъ чести, „такъ какъ не считаютъ меня въ правѣ отрывать ихъ отъ работы“, я полагаю, что послѣ этого нельзя не признавать ихъ сознательно уклонившимися отъ суда чести.

И опять г. Корнфельдъ не удержался, чтобы не передекнуть мотива нашего отказа, проведя мотивъ, наиболѣе для него выгодный, а не тотъ, на которомъ мы базировались.

Ниже въ своемъ письмѣ г. Корнфельдъ усматриваетъ противорѣчіе между категорическимъ заявленіемъ, сдѣланнымъ въ свое время А. Т. Аверченко, что „причиной его ухода изъ „Сат.“ служатъ не матеріальные расчеты, а главнымъ образомъ, невозможныя условія работы, а также цѣлый рядъ нарушеній элементарной литературно-издательской этики“—и тѣмъ, что въ настоящее время Аверченко вызываетъ г. Корнфельда на третейскій судъ, вѣдающій, кромѣ этическихъ—и матеріальныхъ взаимоотношеній.

Тутъ нѣтъ никакого противорѣчія. Дѣло объясняется просто: Аверченко ушелъ дѣйствительно изъ-за невозможной атмосферы, царившей въ „Сат.“; ушелъ изъ-за грубыхъ нарушеній г. Корнфельдомъ литературныхъ приличій. Но, уходя, онъ, все-таки, вѣрилъ въ порядочность г. Корнфельда, вѣрилъ въ то, что словесныя матеріальныя обстоятельства г. Корнфельда будутъ имъ выполнены съ достоинствомъ уважающаго себя издателя.

Однако, по уходѣ нашемъ г. Корнфельдъ тотчасъ же—не только прекратилъ уплату намъ заработанныхъ въ теченіе года денегъ, въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ, но даже не оплатилъ дружескихъ векселей на пять тысячъ, выпрошенныхъ имъ у Аверченко, въ критическій для него, г. Корнфельда моментъ; принужденный платить по этимъ векселямъ, Аверченко письменно указалъ на недобросовѣстность такого отношенія къ дружескимъ обязательствамъ, но отъ г. Корнфельда отвѣта на это не получилъ.

Теперь, изъ всего вышеприведеннаго дѣлается ясно, почему г. Корнфельдъ явился такимъ горячимъ апологетомъ суда чести (не вѣдающаго матеріальныхъ взаимоотношеній) и съ такимъ ужасомъ отрешивается отъ нашихъ повторныхъ предложеній третейскаго суда (которому подсудны, кромѣ этическихъ, и матеріальныя взаимоотношенія).

Отвѣтъ простой: человѣку, не имѣющему ничего общаго съ литературой и ея традиціями—судъ чести съ его деликатными, мягкими, ни къ чему не обязывающими постановленіями—совершенно не страшенъ, даже въ случаѣ осужденія.

А третейскій судъ, выносящій категорическія рѣшенія и постановленія,—кромѣ этическихъ—и матеріальнаго характера—на такой судъ г. Корнфельдъ никогда не согласится!

Онъ прекрасно знаетъ, что третейскій судъ—единственный институтъ, могущій возстановить права пострадавшихъ—безъ всякихъ нотаріальныхъ документовъ, а на основаніи одного лишь впечатлѣнія и свидѣтельскихъ показаній.

И, поэтому-то г. Корнфельдъ такъ упорно уклоняется отъ третейскаго суда съ нами...

Въ заключеніе, г. Корнфельдъ указываетъ, какъ на главный мотивъ своего отказа отъ третейскаго суда,—на то, что и мы и онъ, г. Корнфельдъ, уже обратились по нѣкоторымъ вопросамъ въ коронный судъ.

Настоящимъ мы дѣлаемъ ему предложеніе: пусть онъ и мы возьмемъ обратно наши обращенія въ коронный судъ и передадимъ все дѣло въ полномъ объемѣ на разсмотрѣніе третейскаго суда, рѣшенію котораго обязуемся подчиниться, каково бы оно ни было.

Согласенъ-ли на это г. Корнфельдъ? Пусть онъ отвѣтитъ.

Аркадій Аверченко.

А. Радаковъ.

Н. Ремизовъ.

РОССІЙСКІЯ ПАРАЛЛЕЛИ,

Случалось ли вамъ, господа, въ то время, какъ вы мирно сидите за утреннимъ чаемъ съ газетой въ рукахъ — случалось ли вамъ принимать околodочнаго?

Онъ входитъ, держа одной рукой шашку, другой — портфель, раскланивается и говоритъ сдержаннымъ официальнымъ баскомъ:

— Подписка о невыѣздѣ. По постановленію окружного суда. Потрудитесь расписаться!..

Мы — русскіе сознательные граждане и, поэтому, всякому изъ насъ знакома подписка о невыѣздѣ.

Что вы, читатель, послѣ появленія околodочнаго за это получаете? Одни неприятности.

Что вы теряете?

Все:

Доброе расположеніе духа, дѣла, которыя въ это время безъ васъ лопаются въ другомъ городѣ, неприятности отъ жены и неприятности отъ полиціи.

* * *

Теперь — вотъ вамъ вторая подписка, не о „невыѣздѣ“, а просто на второе полугодіе на журн. „Новый Сатириконтъ“.

Обратите вниманіе, какъ выгодно отличается эта вторая подписка отъ первой, полицейской.

Во-первыхъ — къ вамъ не является околodочный; во-вторыхъ... подписавшись, что вы теряете? 3 р. 25 коп. за второе полугодіе? Будьте увѣрены, что вы и тутъ выигрываете; если бы эти деньги не были вами посланы въ контору нашего журнала — вы бы купили на нихъ ядовитыхъ грибовъ въ сметанѣ, или испорченную рыбу — поѣли бы и умерли.

Кромѣ того, что вы еще получаете? 26 номеровъ журнала, въ которомъ вы читаете текстъ, рассматриваете рисунки, ѣдете въ другой городъ устраивать разрушенныя первой подпиской дѣла, миритесь съ женой и, вообще, живете на широкую ногу.

Вышеизложенными параллелями мы хотимъ доказать читателямъ, что если ему будетъ предложено дать подписку о не выѣздѣ — пусть онъ лучше подписывается на „Новый Сатириконтъ“.

Во всѣхъ отношеніяхъ прибыльнѣе и выгоднѣе.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 2-е ПОЛУГОДИЕ
на журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

„НОВЫИ САТИРИКОНЪ“

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

Въ годъ 52 №№ еженедѣльнаго литературно-художественнаго, богато иллюстрированнаго журнала Сатира и Юмора.

НѢКОТОРЫЕ №№ ПЕЧАТАЮТСЯ ВЪ ДЕВЯТЬ КРАСОКЪ.

Журналъ выходитъ при ближайшемъ участіи Аркадія Аверченко, Радакова, Н. В. Ремизова (Ре-Ми), А. Юнгера и А. Яковлева, а также при участіи всего состава прежнихъ сотрудниковъ.

Издатель — Т-во „Новый Сатириконтъ“ въ лицѣ представителя А. Т. Аверченко.
Редакторъ Аркадій Аверченко.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ (безъ дост.) 6 р. Съ перес. и дост. 6 р. 50 к.,
полгода 3 р. 25 к., 3 мѣс. 1 р. 75 к., 1 мѣс. 60 к.

Цѣна № въ розничной продажѣ 15 к.

ВИЛЛА РОДЭ

Дирекція АДОЛЬФА РОДЭ
у Строганова моста.
Телеф. 77-34 и 136-60.

Сегодня полная перемена программы.

Всемирно-знаменитая группа арабовъ 12 ВЕЗАНЪ 12 изъ Лондонскаго Alhambra theater. М-г АЛЬБЕРТЪ, М-сс ЛИЛИ изъ Лондонскаго theatre Hippodrome. АМЕРИ и ЖУАНИТА, аттракціонъ спорта изъ theatre Olympu. М-лле ДЕЛЬБАА, этуаль theatre Scala. CHARLES-MONTRELL. PEWITT. М-лле Тамара. Женистефи. Попова. Люси Обреонъ. Клео де-Ліонъ. Дорисъ Пальмеръ. Сестры Рене. Горностаи и мн. др.

ЛѢТНИЙ БУФФЪ

Дирекція „ПАЛАСЬ-ТЕАТРА“.
Фонтанка, № 114.

Телефоны: кассы 416-96, конторы 479-13.
(И. Н. Мозговъ, В. А. Кошкинъ, В. Н. Пигалкинъ,
М. С. Харитоновъ, Н. Н. Поликарповъ и Комп.).

СЕГОДНЯ и ЕЖЕДНЕВНО Русская оперетта

ПРИ УЧАСТИИ: Г-жъ Аренской, Варламовой, Гуріэлли, Зброж.-Пашковской, Кавецкой, Лерма, Тамары, Шуваловой; Г-дъ Александровскаго, Брагина, Коржевскаго, Ростовцева и др.

Гл. режис. В. Ю. Вадимовъ. Дир. Л. Гебенъ.

Послѣ окончанія спектакля
Кафе-Концертъ до 3-хъ ч. утра
Блестящая программа!

: Новые дебюты! :

Цѣна за входъ 50 коп. Лица, взявшія
билеты въ театръ, за входъ въ садъ не
платятъ.

СЛОЖНЫЙ КРОВОЯНОЙ ПРЕПАРАТЪ

ГЕМОЗАНЪ

Невской Гигіенической Лабораторіи питательныхъ веществъ.
Удостоен. высшей награды (золотая мед.) на международной выставкѣ
питательн. веществъ въ Лондонѣ.

Рекомендуется врачами, какъ испытанное питательное и укрѣпляющее
средство въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется обогатить ишу кровь
составными ея частями, чтобы поднять общее питаніе, увеличить вѣсъ
тѣла, улучшить аппетитъ и укрѣпить нервную систему.

Гемозанъ анализированъ въ лабораторіи при Военно-Медиц. Академіи. —
Содержитъ органич. желѣзо, бѣлки, лецитинъ, нуклеинъ, глиперофосфаты,
Гемоглобинъ и друг. Имѣетъ пріятный вкусъ какао. Примѣняется при мало-
кровоіи, ослабленіи организма, неврастеніи, истеріи и проч. Съ большимъ
успѣхомъ принимается дѣтьми. Имѣется въ лучш. аптекарск. магазинахъ и
аптекахъ. Цѣна 1 кор.—2 р. 80 к., 1/2 кор.—1 р. 50 к. Остерегаться поддѣлокъ!
Главное депо: Невскій, 98. Невская Гигіенич. Лабораторія. Тел. 427-67.
P. S. Кефиръ, кумысъ, лактобациллинъ, болгарская простокваша. Доставка
на домъ бесплатно.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ обѣдомъ и ужиномъ ?

ВЪ РЕСТОРАНѢ

„ВѢНА“

ул. Гоголя, 12. Тел. 477-85, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные кабинеты. ■ Торг. до 3-хъ ч. ночи.

ГОТОВИТСЯ КЪ ВЫХОДУ ВЪ СВѢТЪ
НОВАЯ КНИГА

Тома Опискинъ
Сорные травы

съ портретомъ автора и предисловіемъ АРКАДІЯ АВЕРЧЕНКО.

„Аркадій“

АВЕРЧЕНКО

Чернышъ
по
обложку.

А. РАДАКОВЪ

Складъ изданія: СПБ., Книжный складъ
„ЗЕМЛЯ“, Невскій, 55.

Продолжается подписка на 1913г. на большую новую ежедневную, политическую, прогрессивную, безпартийную газету

„РУССКАЯ МОЛВА“

Газета ставитъ своей задачей служить борьбѣ за право и культуру, за осуществленіе стремленій прогрессивной и демократической Россіи. Въ странѣ, вопреки всѣмъ препятствіямъ, совершается непрерывный политическій, экономическій и культурный ростъ. Отразить въ себѣ это неуклонное и несомнѣнное расширеніе жизни, дать ему правильное истолкованіе— вотъ главная задача новой газеты. Общегосударственная жизнь и постоянный культурный обменъ уже объединили неразрывной духовной связью разноязычныя народности, входящія въ составъ государства. Принимаясь за новое дѣло, редакция надѣется, что найдетъ и сочувствіе, и откликъ, и живую поддержку въ тѣхъ, кто можетъ и хочетъ раздѣлять ея стремленія.

Богатство справочнаго матеріала. Широкая освѣдомленность.

Ежедневно въ справочномъ отдѣлѣ будетъ помѣщаться по въжности полный перечень новыхъ книгъ по вопросамъ специальнымъ и общественно-литературнымъ.

Въ газетѣ были помѣщены статьи слѣдующихъ авторовъ:

кн. З. Д. Авалова, священ. К. М. Агеева, С. А. Адрианова, чл. Гос. Думы А. М. Александрова, С. Я. Арефина, К. К. Арсеньева, А. А. Блока, Р. Бодуэнъ де Куртэнъ, Ив. Бунинъ, Юліи Вейсбергъ, чл. Гос. Думы Л. А. Велихова, Веревкина (Шекинъ), Н. М. Волковскаго, Юрія Верховскаго, чл. Гос. Думы П. В. Герасимова, М. О. Горшензона, С. Городецкаго, В. И. Грантъ (Парижъ), В. С. Григорьева, проф. Д. Д. Гримма, проф. Э. Д. Гримма, чл. Гос. Думы П. П. Гронскаго, П. К. Губера, Любови Гуревичъ, В. Ф. Герфонга, В. Динзе, Н. Ф. Езерскаго, А. К. Елаича, чл. Гос. Думы И. Н. Ефремова, И. В. Жилкина, З. Н. Журавской, Бориса Зайцева, Е. А. Зноско-Боровскаго, А. П. Иванова, Ф. Капелюша (Вѣна), проф. А. А. Кауфмана, проф. Максима Ковалевскаго, К. и О. Ковалевскихъ, проф. С. А. Котлярскаго, О. Я. Ларина, Б. Лебедева (Лондонъ), И. О. Левина, кн. Г. Е. Львова, чл. Г. Д. Н. Н. Львова, проф. П. И. Люблинскаго, чл. Г. Д. В. А. Маклакова, чл. Г. Д. М. М. Новикова, В. П. Обинскаго, Н. А. Окунева, Б. С. Орпичина, В. Д. Плетнева, проф. А. Е. Прсыякова, Д. Д. Протопопова, А. М. Ремизова, Н. Н. Римской-Корсаковой, А. Н. Римскаго-Корсакова, Русинова (Константинополь), А. Н. фонъ-Рутцена, А. М. Рыкачева, Бориса Садовскаго, А. П. Семенова-Тяншанскаго, М. А. Славинскаго, проф. С. И. Созонова, А. А. Стаховича, Любови Столицы, П. Б. Струве, В. С. Стровой, кн. Евг. Трубецкаго, А. В. Тырновой (Вержескій), И. Федорова (Брюссель), Е. А. Фейшицъ, С. Л. Франка, чл. Гос. Думы М. В. Челюкова, А. Чернаго (Сани Чернаго), И. М. Черногорова (Берлинъ), В. Ф. Шимарева, Г. Н. Штільмана, К. М. Шумскаго, Justus (Софія), Вл. Юнгера, С. П. Яремича, проф. Л. Яснопольскаго и мн. др.

Подписная цѣна съ доставкой:

на 12 м.—9 р., на 6 м.—5 р., на 3 м.—2 р. 75 к., на 1 м.—1 р. При подпискѣ на годъ съ 1-го января допускается разсрочка: при подпискѣ—4 руб., къ 1-му апрѣля—3 руб., и къ 1-му августа—2 руб.

Для сельскихъ учителей и священниковъ, для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, фельдшеровъ, крестьянъ, рабочихъ и приказчиковъ при непосредственномъ обращеніи въ Главную Контору подписная цѣна понижена: на 12 м.—7 р. 20 к., на 6 м.—4 р., на 3 м.—2 р. 25 к., на 1 м.—80 к. Допускается разсрочка: при подпискѣ—3 р. 20 к., къ 1-му апрѣля—2 р. 50 к. и къ 1-му августа—1 р. 50 к.

Пробный номеръ высылается БЕЗПЛАТНО.

Адресъ Главной конторы: СПБ., Троицкая ул. д. 15—17. Тел. 121-54.

Адресъ редакціи: СПБ., Троицкая, 15—17. Тел. 121-44.

Адресъ для телеграммъ: Петербургъ, Русмолва.

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОРЪ.

(Обзоръ послѣднихъ заграничныхъ журналовъ).

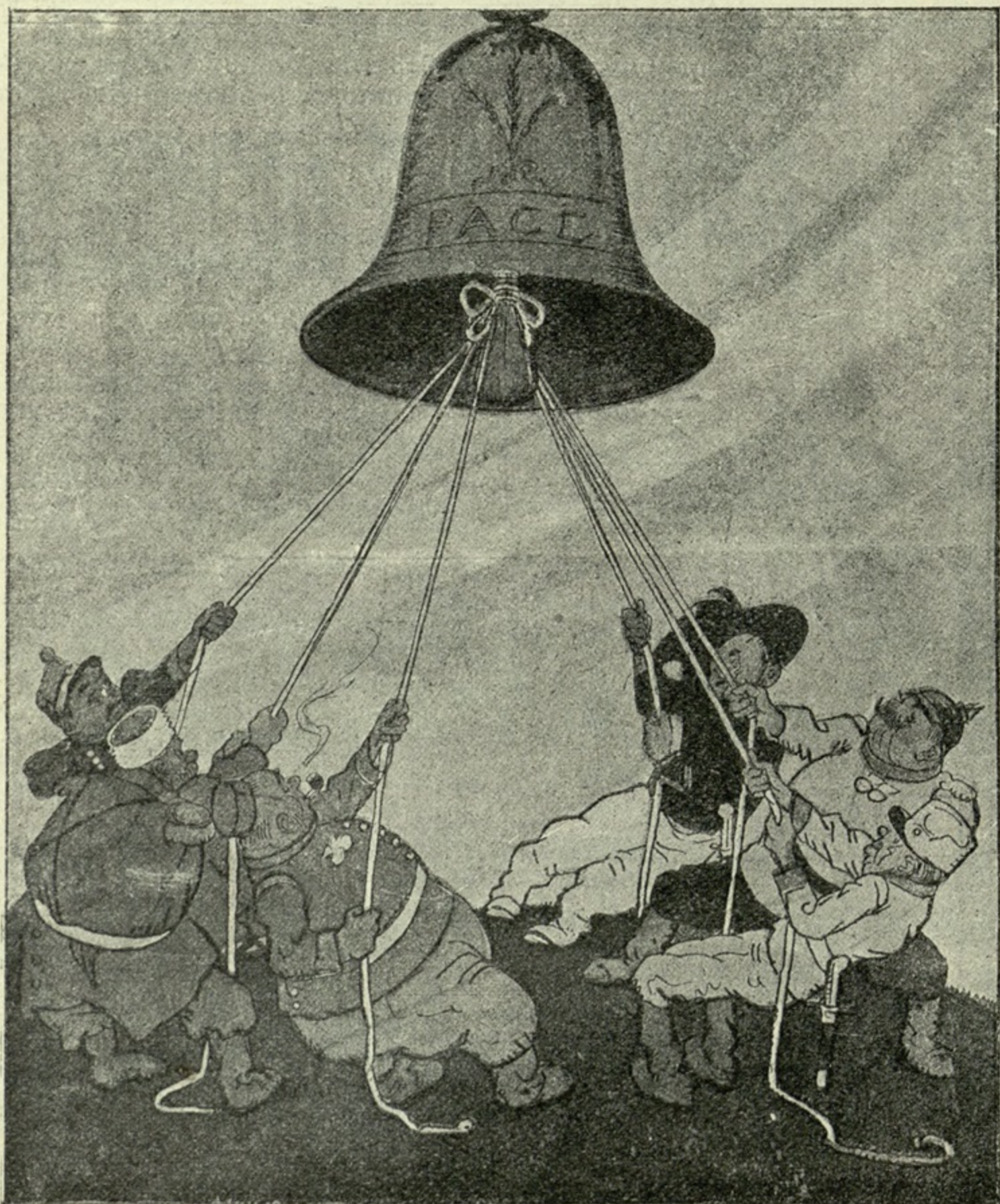
Wiener Karikaturen.

ОЧЕРЕДНОЙ НѢМЕЦКІЙ ПАСКВИЛЬ НА РОССІЮ.

— Знай, дружище, что каждая выпитая нами съ тобой рюмка водки—это лишняя пуля для арміи, каждая выпитая бочка—пушечное ядро! Такъ будемъ же твердой походкой идти къ намѣченной цѣли—увеличенія нашего вооруженія на случай войны съ нѣмцами!!

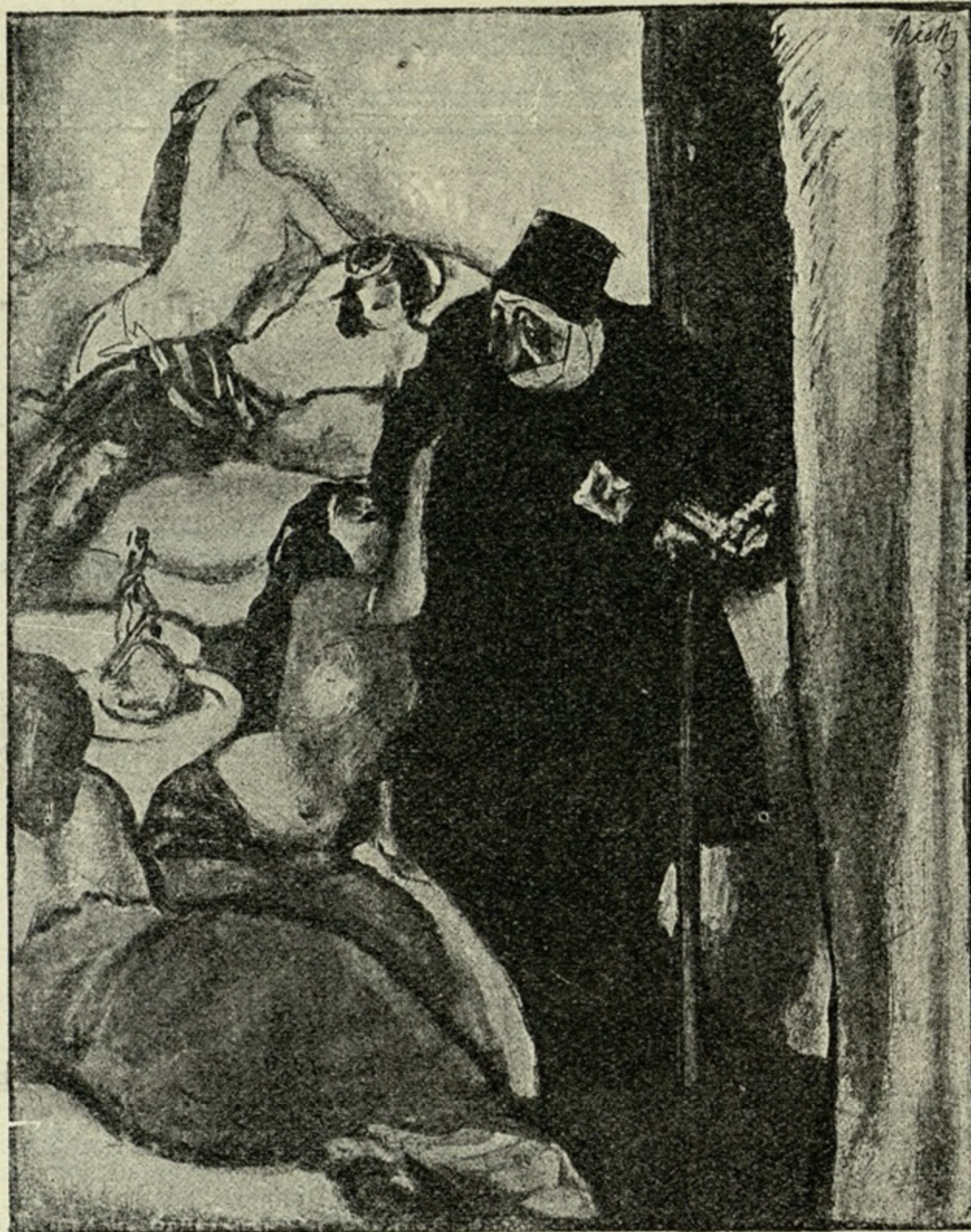
„L'asino“.

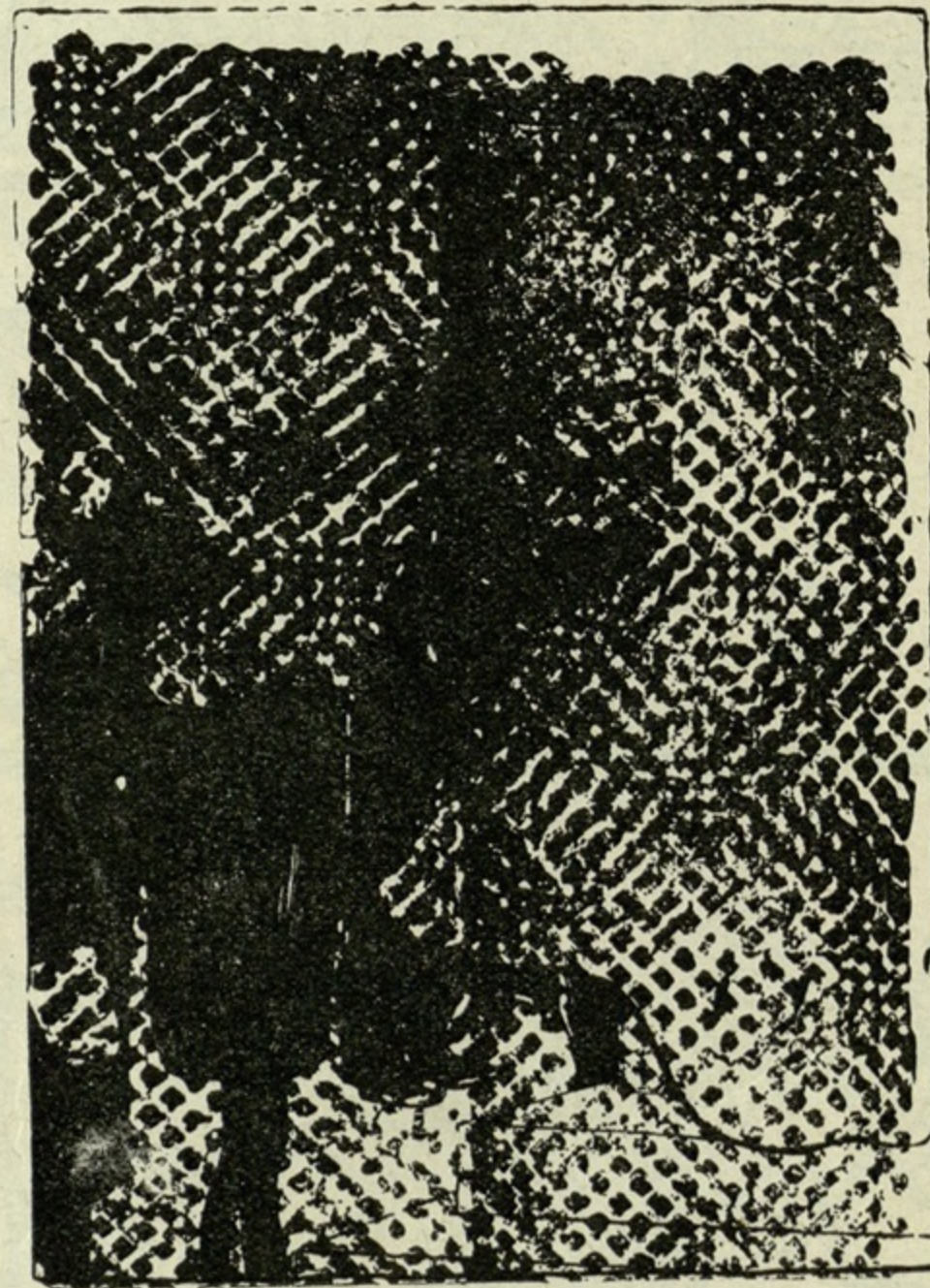
Колоколъ мира.

Правители. — Странно! стараемся, стараемся, а колоколъ все не звонитъ.

Jugend.

Султанъ. — О Аллахъ! Теперь я вижу, что ты дѣйствительно прогнѣвался на меня!!! И тутъ ни одной побѣды.

Печатаемъ этотъ рисунокъ для того, чтобы читатели наши видѣли, какъ падаютъ природныя богатства Россіи, теперь даже икра стала къ намъ усиленно вывозиться изъ-за границы.

Что смотритъ общество „Рыболовства и рыбодства“ — не понимаемъ?!

РЕЗУЛЬТАТЫ СЛАВЯНСКИХЪ БАНКЕТОВЪ.

Въ славянахъ разожгли банкеты
Гастрономическій азартъ:
Другъ друга рубятъ на котлеты,
Бдятъ другъ друга à la carte...

Красный.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦЮ.

Милостивый Государь Г-нъ Редакторъ.

Случайно узнавши о выходѣ сотрудниковъ изъ журнала „Сатириконъ“ и объ основаніи „Новаго Сатирикона“, прошу считать и меня въ числѣ ушедшихъ. Старому Сатирикону шлю сегодня отказъ.

Художн. Б. Кустодіевъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петербургъ.

Брату Диоскуру. — „Я рѣшилъ сначала написать вамъ нѣсколько вещей, а потомъ уже уѣхать за границу“...

Надо было наоборотъ: сначала уѣхать за границу, а потомъ уже никакихъ стиховъ не писать.

П. Алтанову. — „Просьба Алтанова: Прошу васъ высказать свое мнѣніе о моемъ языкѣ“...

Видно, что вы обращаетесь съ нимъ очень бережно. Боялись даже лизнуть имъ обратную сторону марки и заставили насъ доплачивать почтѣ за громадную, плохую рукопись.

П. Т. Га-еву (Щелкунчику). — Пусть читатель судить — хорошо ли острить Щелкунчикъ.

— Дайте мнѣ сигару.

— Сига доктора Ру? Откуда же я вамъ возьму эту рыбу? Не говоря о докторѣ Ру — даже неприятельный сигъ сурово осудилъ бы подобное остроуміе.

Б. Провинція.

Витебскъ — Борисовичу:

Не сплю я ночь цѣлую,
Эхъ, усталъ какъ я,
И грудь мою бѣлую
Ужъ сосеть змѣя!

Два пресмыкающихся въ одной строкѣ — много. Напрасно отогрѣвали ихъ на „бѣлой груди“. Только стихи ваши они погубили.

Калязинъ — Магомету. — „Въ своихъ стихахъ я держусь пушкинскихъ принциповъ“...

Держитесь. Это можно.

Стихи не подошли.

Въ протр. — Тридз. — „Мнѣ написать разсказъ, какъ разъ плюнуть“...

Какая счастливая натура. Дастъ же Богъ!

Изъ наплеванного въ этомъ письмѣ — ничего не подошло.

Ялта — Ал-ковой. — Г-жа Ал-кова разсказываетъ, что „по бокамъ ея героя росли бакенбарды“.

У всякаго свой идеаль мужины.

Аве.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
Издатель Т-во Н. Сатириконъ.

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Съ 15 Іюля всю корреспонденцію, посылаемую на мое имя — прошу направлять или по адресу моей новой квартиры (Троицкая, 15) или по адресу „Нов. Сатирикона“ — Невскій, 98.

Аркадій Аверченко.

КНИГИ

изд. С. А. Козловскаго для самообученія: Рѣш. и подробн. объясн. 1—10-ю спос. всѣхъ арием., алгеб., геомет., тригон. и анал. зад. сборникъ въ 1) Верещагинъ; 2) Малнина и Бур; 3) Гольденбергъ; 4) Евтушевскаго ч.ч. I и II; 5) Арбузова и Ко.; 6) Шапошникова и Вальцова; 7) Киселева; 8) Сорокина; 9) Рыбкина; 10) Кліоновскаго; 11) Минина; 12) Вулиха; 13) Давилова; 14) Бычкова; 15) Стеблева; 16) Злотчанскаго; 17) Воинова; 18) Горячевъ и др. Скидка 20% при Вашей перес. Подроб. объявл. съ образц. рѣш. зад. высылаю бесплатно. Выписывать исключ. по адресу: Бялая-Церковь, Киевск. губ. С. А. Козловскому.

Аркадій Аверченко.

Круги по водѣ.

Изданіе шестое, богато иллюстрировано.

Иллюстр. художниковъ Н. Герардова, В. Лебедева, А. Радакова, Ре-Ми, А. Юнгера, А. Яковлева и др. Съ портретомъ автора. Обложка художника Ре-Ми. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Веселыя устрицы.

Изданіе пятнадцатое.

Съ портретомъ автора. Обложка работы художника Ре-Ми. Цѣна книги въ переплетѣ 1 руб. 10 коп.

Разсказы для выздоравливающихъ.

Изданіе пятое. Обложка работы художн. А. Юнгера. Цѣна 1 р. 25 к.

Театральная библіотека.

СБОРНИКЪ ОДНОАКТНЫХЪ ПЬЕСЪ.

8 пьесъ репертуара столичныхъ и провинціальн. кабаре и театровъ миниатюръ. Въ изящной обложкѣ работы художника С. Чехонина. Цѣна 2 руб.

МИНИАТЮРЫ И МОНОЛОГИ ДЛЯ СЦЕНЫ.

Цѣна 2 руб.

Складъ изд.: Контора „Н. Сатириконъ“, Невскій, 98.

ВЕСЬ МІРЬ ВОСХИЩЕНЪ!
преимуществами
„Прана“ Спарклетъ-Сифона!

Содовая вода, лимонадъ, шипучія вина, минеральная вода, крошоны и пр. въ одну минуту все готово!

Тысяча разъ рекомендованъ докторами! Предохраняетъ, при постоянномъ употребленіи, отъ холеры, тифа и всѣхъ болѣзней!

Продается въ:
аптекахъ, аптекарск. магазинахъ, въ магаз. хозяйств. и кухонн. принадлежностей во всей Россіи

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на второе полугодіе (съ 1-го іюля по 1-ое января)
на еженедѣльный

литературно-художественный журналъ

„Жизнь“.

Во второмъ полугодіи будутъ помѣшены, между прочимъ, произведенія слѣдующихъ авторовъ: А. И. Купринъ „Ежъ“ разск., А. Каменскій „Мой гаремъ“ разск., А. Гринъ „Дэзи“ разск., Полярный „Споръ“ разск., Тавричанинъ „Книга великаго хамства“ статья, А. Заринъ „Кровавыя страницы“ статьи со многими кошмарными фотографіями, Георгій Ляндау „Клопъ“ и „Черный паукъ“ разск., Бродовскій „Именины“ (съ польскаго для „Жизни“) разск.

Подписная цѣна съ 1-го іюля по 1-ое января 1 р. 50 к. (годовая подписка 2 р. 50 к.).

Цѣна отд. № 5 к. Продажа всюду.

Изданіе Акц. 0-ва „АНОНСЪ“ МОСКВА,

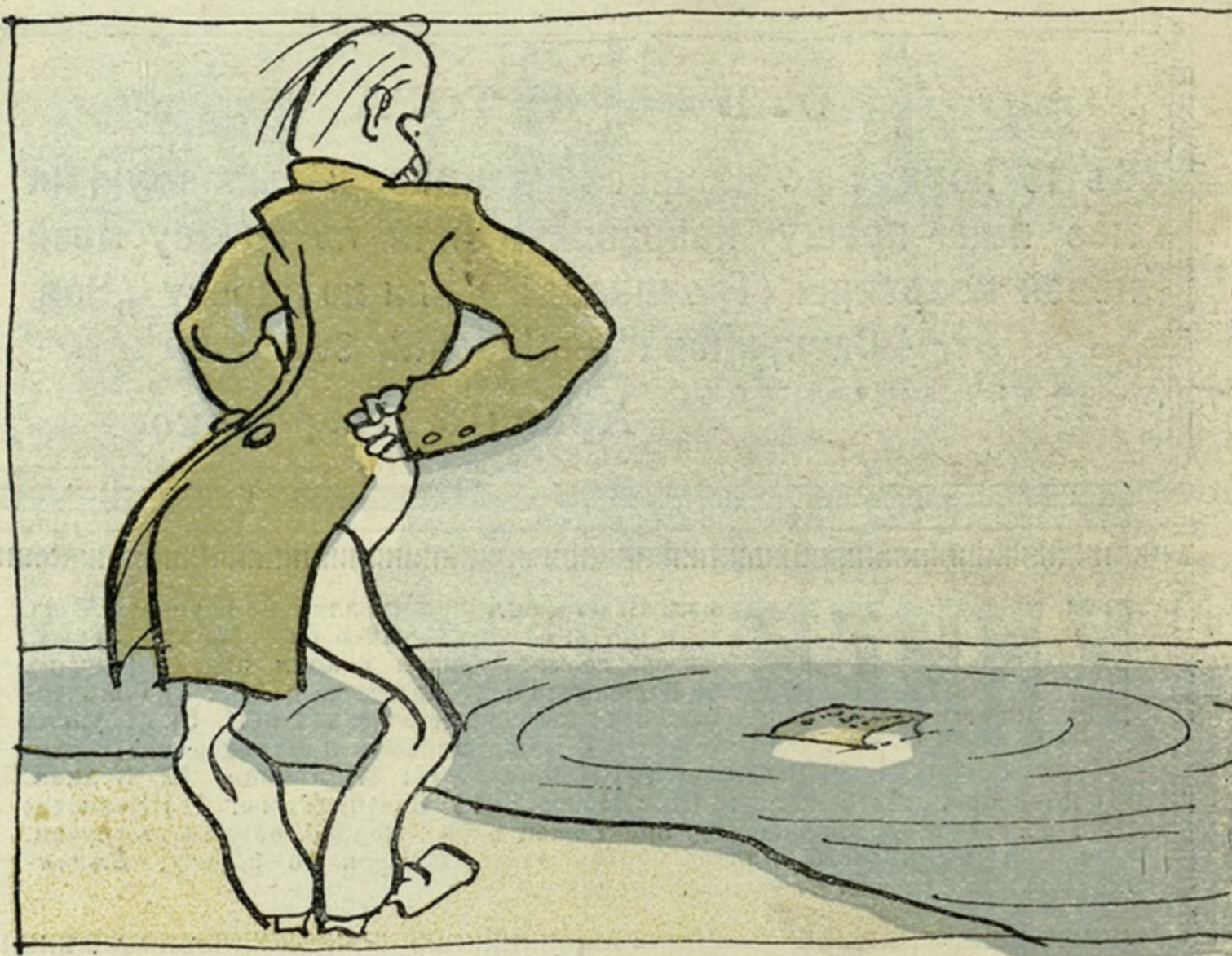
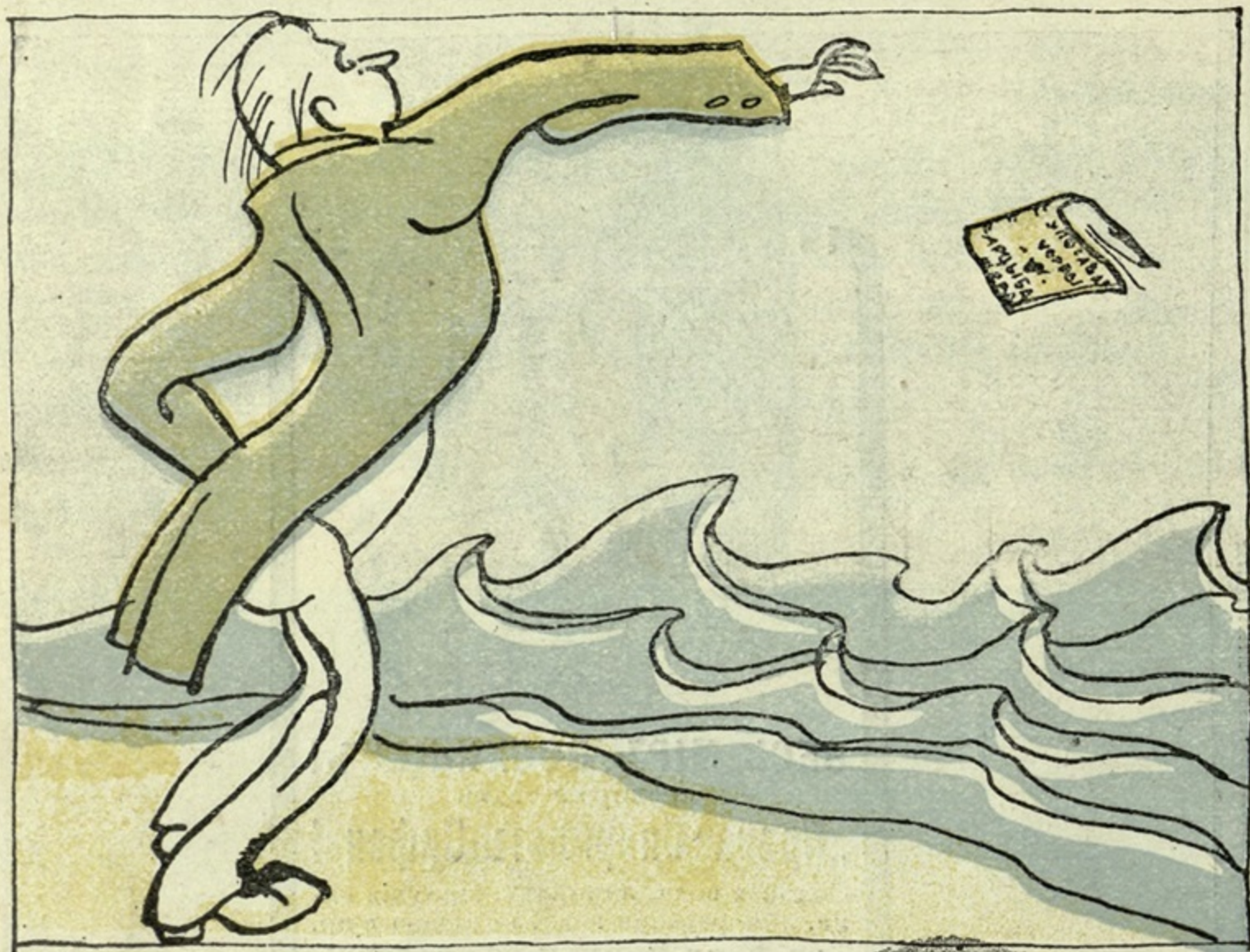
Б. Лубянка, 20.

Во избѣжаніе перерыва въ высылкѣ журнала просятъ полугодовыхъ подписчиковъ внести плату не позднѣе 1-го Августа.

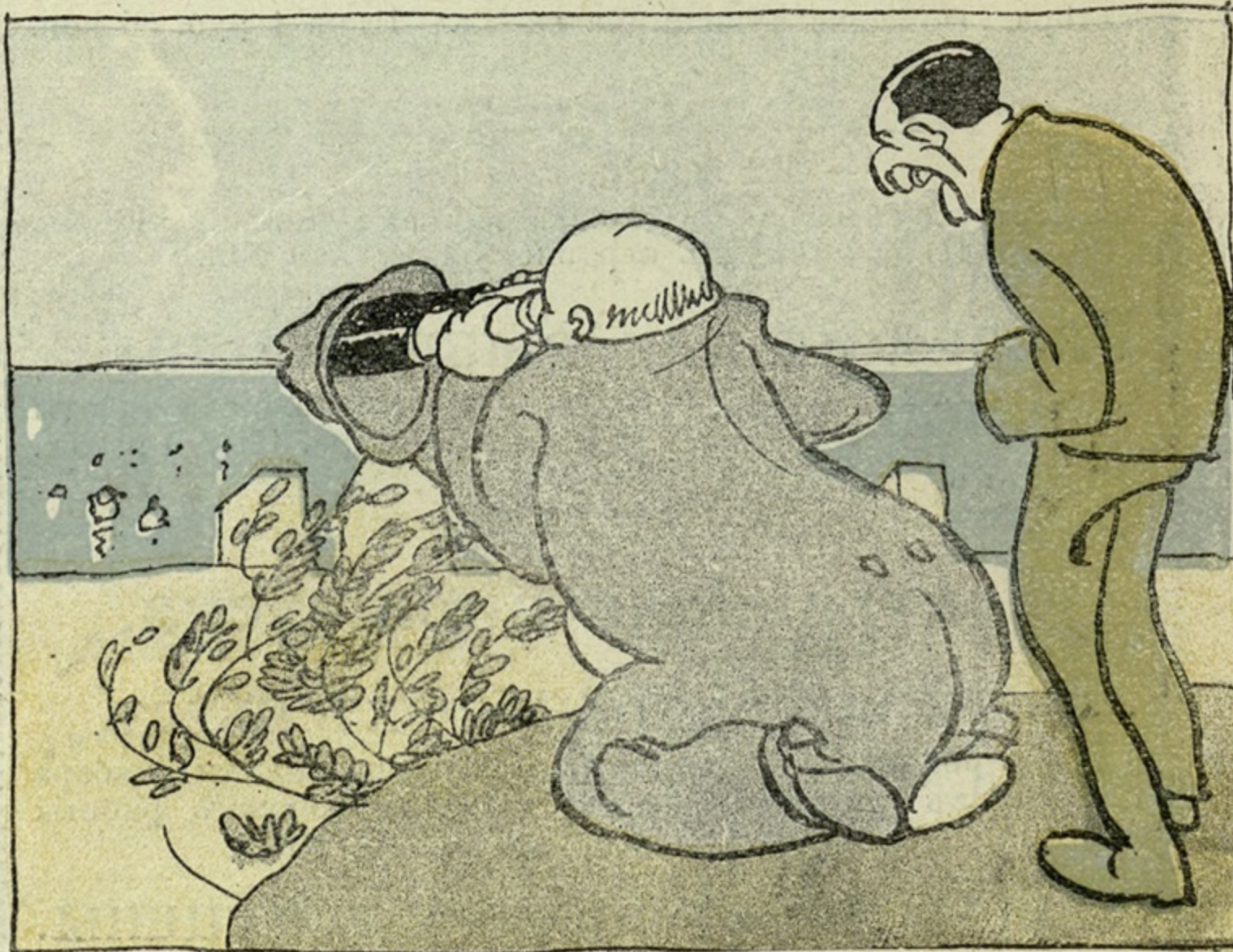
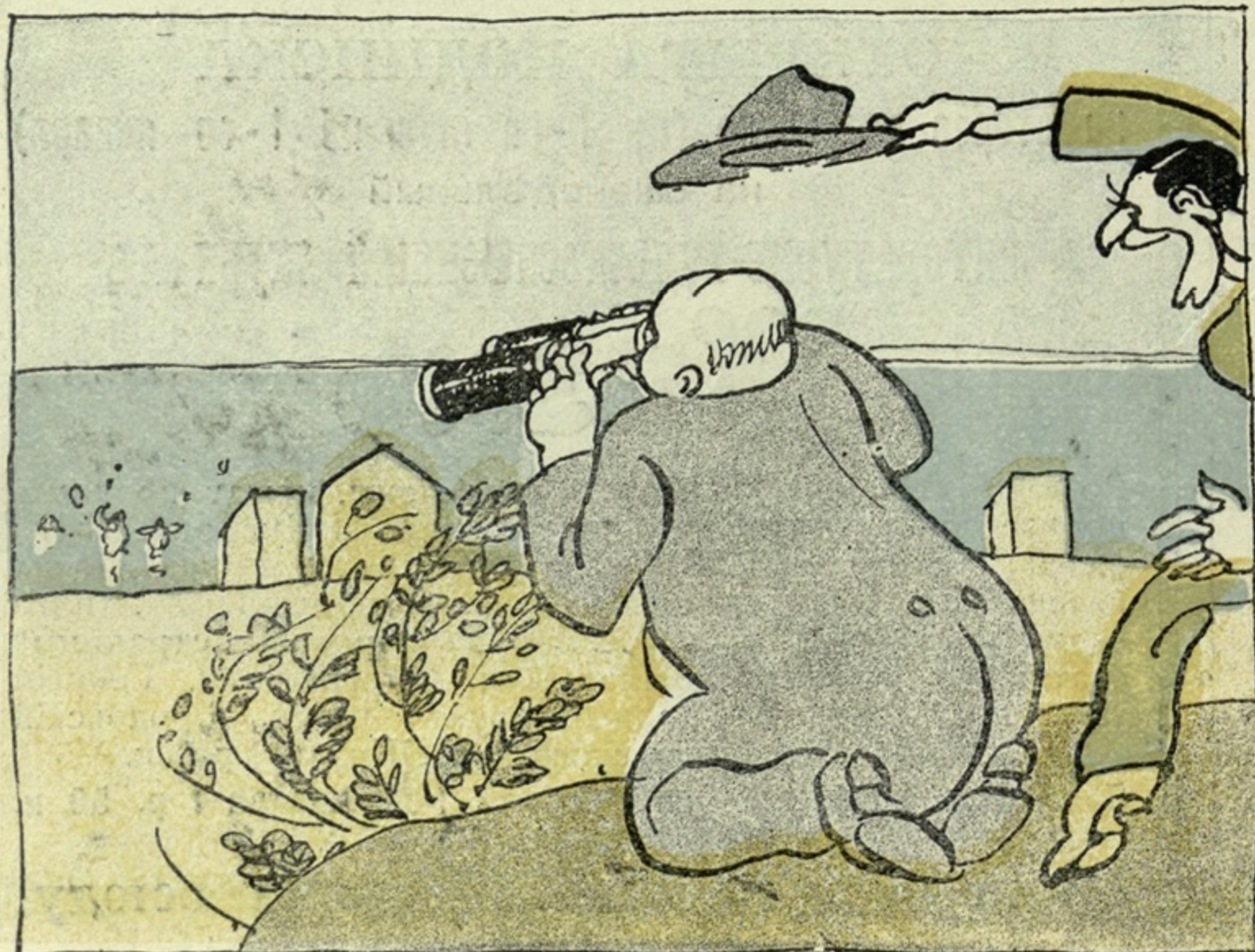
3-75
1570/387

— Милая! говорила вамъ: — душечка, будете купаться, не окунайтесь—у Пышкина скверную краску для волосъ продають, а вы вотъ не послушались. Только воду испортили.

— Какія волны! А мнѣ докторъ запретилъ купаться, когда волненіе на морѣ... Ба, идея! Брошу-ка я въ море „У послѣдней черты“, Арцыбашева. Гдѣ-то я читалъ, что если на волны вылить сало, то волны успокаиваются.

Великолѣпно! Теперь я могу купаться—море, какъ зеркало.

— Гм... гм... какія однако... розовенькія! Хе-хе... Милашечки!..

— Что такое!? Какъ темно! Ага... Навѣрно, неритянка въ воду вошла?..